

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXLVIII.

II
1886.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Влaшова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1886.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственныя распоряженія	3
И. Г. Виноградовъ. Исслѣдованія по соціальной исторіи Англій въ средніе вѣка (<i>продолженіе</i>)	1
О. П. Келпепъ. Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени (<i>продолженіе</i>)	21
В. Г. Васильевскій. Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Московской Императорской бібліотеки	65

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. А. С—скій. Сѣверный край въ концѣ прошлаго столѣтія . . .	107
И. М. Гревсъ. Новое исслѣдованіе о колонатахъ	118
С. Н. Буличъ. Грамматическія замѣтки. Романа Брандта. 1886 . .	166
Н. И. Веселовскій. Новые матеріалы для исторіи Коканскаго ханства	175
К. Н. С—скій. Математическое образованіе и его значеніе. В. Термишева. С.-Пб. 1886	195
Ө. И. Булгаковъ. Возраженіе на разборъ „Художественной Энциклопедіи“	202
Н. П. С. Отвѣтъ г. Булгакову	208
— Книжныя новости	222
— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. Казанскій университетъ въ 1885 году	1
— II. Мореходные классы и шенперскіе курсы	15
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	32

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Th. Zielinski. Quaestiones comicae	53
--	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го ноября).

L

ОДИНЪ ИЗЪ ГРЕЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Собрание греческихъ рукописей въ Московской Синодальной библиотекѣ—встать сказать, заслуживающее и давно ожидающее поваго подробнаго описанія или каталога, а также исторія своего образованія,— въ числѣ сокровищъ разнаго рода заключаетъ въ себѣ много номеровъ, содержащихъ житія святыхъ; эти житія группируются въ сборники всего чаще по числамъ одного извѣстнаго мѣсяца (мѣсячныя минеи), а иногда по какимъ-либо другимъ частнымъ соображеніямъ и мѣстнымъ нуждамъ (торжественники и т. п.). Многіе сборники такого содержанія въ Синодальной библиотекѣ заслуживаютъ вниманія уже своею древностію, очень часто восходящею къ XII или XI вѣку, есть даже списки X вѣка. Затѣмъ они заключаютъ въ себѣ не мало такихъ статей, которыя никогда не были изданы, остаются неизвѣстными, а между тѣмъ должны имѣть важное значеніе—прежде всего въ качествѣ историческихъ источниковъ, такъ какъ уже давно извѣстно и хорошо на отдѣльныхъ случаяхъ показано, какой драгоценный и богатый матеріалъ въ нихъ заключается для восполненія болѣе живыми подробностями скудныхъ средневѣковыхъ лѣтописей, въ данномъ случаѣ византійскихъ хроникъ. По старому и устарѣвшему, составляющему кромѣ того библиографическую рѣдкость, каталогу бывшаго московскаго профессора Маттеи (*Accurata notitia* совсѣмъ нельзя точно узнать, что именно изъ области этого рода литературы издано и что не издано; хотя почтенный ученый, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и старался вообще отмѣчать неизданное, но по отношенію къ византійской письменности и въ частъ ссхлѹш, отд. 2.

ности по отношенію къ житіямъ святыхъ онъ не обладалъ достаточными для того познаніями и средствами, а можетъ быть, не чувствовалъ и особеннаго къ нимъ интереса. Можно было бы указать не мало относящихся сюда промаховъ и пробѣловъ въ прекрасномъ все-таки и драгоценномъ изданіи; но въ этомъ нѣтъ большой пужды, тѣмъ болѣе, что разительное доказательство нашимъ словамъ встрѣтится само собою ниже, при описаніи того кодекса, которому мы посвящаемъ настоящую статью. Съ греческимъ кодексомъ, который значится по старому счету подъ № 160, а по новому—подъ № 159, мы близко познакомились, приготавливая къ изданію для Православнаго Палестинскаго Общества два житія Мелетія Новаго, изъ него заимствованныя и въ подлинномъ своемъ видѣ оставшіяся совѣмъ неизвѣстными. Относительно житія Мелетія и у Маттеи было замѣчено, что онъ его нигдѣ не встрѣчалъ, и что оно, *ut videtur, prorsus ignotatur*. Но кромѣ двухъ статей, посвященныхъ Мелетію Міупольскому (отъ горы Міуполя на границѣ Аттики и Віотин, а Маттеи думалъ о Міунтѣ, городѣ Іонійскомъ, въ Малой Азіи), представляющихъ, какъ показано будетъ ниже, высокой исторической интересъ, въ томъ же самомъ сборникѣ XIII вѣка мы нашли еще нѣсколько любопытныхъ и важныхъ нумеровъ, которые тоже никогда не были напечатаны, хотя въ каталогѣ этого и не сказано, которые давно были бы изданы, если бы сокровища Московской Синодальной бібліотеки были въ распоряженіи западныхъ ученыхъ. По крайней мѣрѣ тутъ, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ, можно было встрѣтить такія статьи, которыхъ въ свое время доискивались во всѣхъ европейскихъ бібліотекахъ знаменитые издатели *Acta Sanctorum*, прославленные подъ именемъ Болландистовъ. Нашимъ ученымъ учрежденіямъ, и можетъ быть, прежде всего духовнымъ, не мѣшало бы взяться съ нѣсколько большимъ усердіемъ за такое дѣло, которое, собственно говоря, напрашивалось бы само собою, не ожидая, что новѣйшіе продолжатели Болландистовъ обратятъ вниманіе и на московскія сокровища. Но, повторяемъ, прежде всего желательно появленіе новаго каталога, болѣе подробнаго, чѣмъ каталогъ Маттеи, съ необходимыми объяснительными указаніями, съ извлеченіями изъ особенно интересныхъ не изданныхъ статей, съ образцами и снимками почерковъ, какъ это отчасти было сдѣлано—и весьма давно—для Вѣнской бібліотеки Ламбециемъ, для Флорентійской—Бандини, для другихъ—Монфокономъ. Что же касается до исторіи происхожденія и роста этой един-

ственной у насъ сокровищницы по части греческихъ рукописей, то здѣсь образцомъ могла бы служить исторія Ескуріальскаго собранія греческихъ рукописей, составившая славу недавно умершаго французскаго эллиниста Гро (Graux). Было бы похвально, если бы даже и наша Академія наукъ почла эту вторую задачу достойною своего вниманія. Но, конечно, на то мало надежды, и можетъ быть, болѣе практичнымъ было бы пожелать простаго переизданія каталога Маттен, хотя бы даже безъ всякихъ исправленій и дополненій.

Послѣ этого небольшого предисловія мы можемъ приступить къ своей специальной задачѣ, къ подробному описанію сборника, хранящагося въ Московской Синодальной библиотекѣ подъ № 160, со стороны его внутренняго содержанія. Этотъ сборникъ, писанный двумя разными почерками—однимъ XII столѣтія, другой XIII, разборчивымъ строчнымъ письмомъ, но иногда весьма неисправно относительно орѳографіи, принадлежалъ прежде Иверскому Аѳонскому монастырю и перенесенъ былъ въ Москву, вѣроятно, еще при патриархѣ Никонѣ—вслѣдствіе известной ученой экспедиціи Андрея Суханова. Относительно нѣкоторой разницы въ характерѣ описанія въ началѣ и концѣ мы должны замѣтить слѣдующее: такъ какъ первыя двѣ статьи напечатаны нами въ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ Православнаго Палестинскаго Сборника и слѣдовательно доступны для всѣхъ, то мы не приводили изъ нихъ большихъ выписокъ, а для обозначенія ихъ содержанія и важности ограничиваемся извлеченіемъ изъ своего объяснительнаго введенія къ изданію текста. Какъ сказано, эти статьи заключаютъ въ себѣ житіе Мелетія Новаго; онѣ имѣютъ слѣдующее заглавіе:

1) Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Μελετίου τοῦ ἐν τῇ ὄρει τῆς Μυυπόλεως ἀσκήσαντος, συγγραφεὶς παρὰ Νικολάου ἐπισκόπου Μεθώνης (Житіе преподобнаго отца нашего Мелетія, подвизавшагося на горѣ Мюпольской, написанное Николаемъ, епископомъ Меоонскимъ).

2) Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Μελετίου τοῦ νέου, ἐκτεθεὶς παρὰ Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου (Житіе преподобнаго отца нашего Мелетія Новаго, составленное Θεодоромъ Продромомъ).

Житія Мелетія Новаго заключаютъ въ себѣ довольно живую и яркую картину монастырскаго быта и духовнаго подвижничества въ эпоху первыхъ Комниновъ, и въ этомъ отношеніи они займутъ почетное мѣсто рядомъ съ недавно изданными драгоцѣпными сказаніями о св. Христулѣ, представлявшимися до сихъ поръ единственнымъ

памятникомъ агіографической литературы даннаго періода ¹⁾. Въѣсть съ тѣмъ въ обѣихъ житіяхъ Мелетія находится не мало любопытныхъ и важныхъ указаній на вѣшнюю политическую исторію того времени, въ особенности на общественный бытъ и вообще на положеніе собственной Греціи или провинціи Еллады, судьбы которой подъ Византійскою властью все еще остаются довольно темными по недостатку источниковъ. Извѣстно, какіе важныя результаты относительно самыхъ основныхъ вопросовъ провинціальной греческой и вообще византійской исторіи извлечены были Карломъ Гопфомъ изъ двухъ греческихъ житій: Луки Елладскаго († 946) и Никона Метанонте († 998), дѣйствовавшаго въ Лавдемонѣ, въ окрестностяхъ древней Спарты и средневѣковыхъ славянскихъ поселеній ²⁾. Несомнѣнно, что весьма желаннымъ дополненіемъ могли бы послужить для него относящіяся къ дальнѣйшей эпохѣ и къ слѣдующему столѣтію сказанія о св. Мелетіѣ, еслибы они въ его время были извѣстны.

Оба житія св. Мелетія написаны весьма извѣстными въ свое время лицами. Одно изъ этихъ житій принадлежитъ епископу города Меооны (теперь Модонъ) въ южной Греціи (Мореѣ), Николаю. Изъ обычныхъ справочныхъ пособій о Николаѣ Меоонскомъ можно почерпнуть такія свѣдѣнія, что онъ жилъ послѣ раздѣленія церкви, послѣ Михаила Керуларія, написалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ латынчанъ, остающихся неизданными, но сохраняющихся въ рукописяхъ Мюнхенской и Московской Синодальной библиотекъ. Въ Греческой Патрологіи Миня напечатано было только одно изъ сочиненій Николая, касающееся таинства причащенія; но въ недавнее время греческимъ архимандритомъ, Андроникомъ Димитракопуло, изданы были еще два произведенія того же епископа Меоонскаго, заимствованныя изъ одного рукописнаго сборника Московской Синодальной библиотекы. Одно изъ нихъ уже самымъ своимъ заглавіемъ сообщаетъ намъ болѣе точныя свѣдѣнія о времени, когда жилъ и писалъ Николай Меоонскій. Это есть рѣчь или слово, обращенное къ императору Мапуилу Комнину (1143—

¹⁾ Служба св. Христовулу съ приложеніемъ даннаго имъ своему монастырю на о. Патмосѣ устава, гдѣ содержится автобіографическія подробности, дальнѣе его житія и двухъ похвалъ вновь приготовлена была къ печати Савелліономъ и недавно издана въ Афинахъ. Ακολούθια ἱερὰ Χριστοδοῦλου ἐκδιδ. ὑπὸ Κυρίλλου ἱεροδιακόνου Βοῖνῃ. Ἀθήνησιν. 1884.

²⁾ *Hopf*. Geschichte Griechenlands im Mittelalter. Encyklopedie von *Ersch* und *Gruber*, Band LXXV, 134—139.

1180) и произнесенное или же только составленное вскорѣ послѣ церковнаго собора, бывшаго въ Константинополѣ, противъ ереси тѣхъ, которые учили, что спасительная за насъ жертва принесена Христомъ только одному Отцу, а не триипостасной Троицѣ, и не допуская возможности, чтобы Христосъ приносилъ себя въ жертву также и Себѣ самому. Соборъ этотъ хорошо извѣстенъ, онъ относится къ 1156 году; къ позднѣйшимъ мѣсяцамъ, но къ тому же году, относятся и другія событія, на которыя въ рѣчи дѣлаются намеки. Нужно при этомъ замѣтить, что въ этой рѣчи Николай уже называетъ себя старцемъ, такъ что нельзя предполагать ему долгой жизни за предѣлами 1160 года. Алліцій утверждалъ, что Николай присутствовалъ на соборѣ 1166 года по поводу спора о словахъ: „Отецъ болѣе меня есть“; но въ дѣяніяхъ этого собора, теперь изданныхъ, нѣтъ имени Николая епископа Меонскаго, а встрѣчается только подпись Николая епископа города Меонны, что совсѣмъ другое. Въ житіи Мелетія, принадлежащемъ Николаю, прямо сказано, что оно составлено спустя 36 лѣтъ по смерти святаго; а такъ какъ по другимъ даннымъ мы можемъ относить кончину Мелетія приблизительно къ 1105 году, то сочиненіе житія Николаемъ будетъ приходиться на 1141 годъ, что и совпадаетъ со всѣми хронологическими вышеозначенными условіями.

Такъ какъ и второе житіе представляетъ совершенно самостоятельное твореніе и не находится въ какой-либо зависимости отъ перваго, то приходится думать, что оно явилось приблизительно около того же времени (около 1141 года); иначе автору ничто не мѣшало бы воспользоваться произведеніемъ своего предшественника, такъ какъ не было причинъ, почему оно могло бы оставаться въ неизвѣстности. Этимъ другимъ авторомъ былъ чрезвычайно трудолюбивый, весьма плодовитый, очень въ свое время знаменитый стихотворецъ многоученый Θεόδωρος Προδρομος, или какъ онъ себя, ради смиренія и для возбужденія жалости, называлъ — Πτοχοπροδρομος (бѣдный Προδρομος). Θεόδωρος Προδρομος жилъ при Καλοϊωαννης (1118—1143) и при Μανουηλ Κομνηνης, написалъ безконечное множество стиховъ для прославленія перваго и особенно втораго изъ названныхъ императоровъ, былъ нѣкотораго рода придворнымъ поэтомъ, поставщикомъ плохой поэзіи, но очень иногда грубой лести на разные торжественные случаи, на важныя и неважныя, дѣйствительныя и мнимыя побѣды императоровъ и кесарей, на всѣ радостныя и горестныя событія въ царствующей фамиліи и т. д. Все это онъ изла-

галъ тѣмъ же своеобразнымъ стихотворнымъ размѣромъ, который именно при немъ сталъ особенно входить въ моду и который называется политическимъ, то-есть, простонароднымъ. Такимъ размѣромъ написанъ и его романъ о Роданеѣ и Досиклеѣ, благодаря которому Продромъ значится и въ числѣ эротическихъ писателей (см. *Erotici scriptores graeci*, ed. Hercher, tom. II). Уже ранѣе было извѣстно, что плодovitый и ученый поэтъ Мануила Комнина не чуждался и прозаической формы; нѣкоторыя произведенія его такого рода изданы въ патрологіи аббата Миня; но не только въ числѣ напечатанныхъ его произведеній, но даже въ каталогахъ и описяхъ нигдѣ не значится какого-либо житія, имъ составленнаго, за исключеніемъ того, которое оказалось въ Московскомъ синодальномъ сборникѣ.

Св. Мелетій родился (около 1035 года) въ Каппадокіи, въ селеніи Муталаскѣ, прославленномъ какъ мѣсто происхожденія великаго подвижника V вѣка, св. Саввы Освященнаго, основателя знаменитой Палестинской Лавры его имени. По достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста, когда родители думали объ его бракѣ, Мелетій почувствовалъ стремленіе къ монашеской жизни и тайно ушелъ въ Константинополь; здѣсь онъ поселился въ монастырѣ Іоанна Златоуста, получившемъ названіе отъ имени своего основателя, который и самъ жилъ въ немъ нѣкогда: изъ Джуканжа мы пока знали только о существованіи храма Іоанна Златоуста, упомянутаго въ житіи Іосифа Пѣснописца. На третьемъ году своего пребыванія въ монастырѣ, Мелетій припалъ постриженіе въ монахи; но ища ббльшаго совершенства и полнаго уединенія, онъ покинулъ обитель Златоуста и пустился странствовать. Опъ намѣренъ былъ посѣтить старый Римъ, а затѣмъ Святую Землю, но дошелъ только до Солуны. Когда онъ вышелъ изъ вратъ этого послѣдняго города, то получилъ свыше внушеніе, что ему суждено исполнить свое желаніе только впоследствии, и что теперь онъ долженъ воротиться назадъ. Мелетій направился въ Елладу и поселился въ окрестностяхъ города Фивъ, тогдашняго главнаго города въ провинціи Елладѣ; здѣсь на разстояніи двадцати стадій—то-есть, 3¹/₂ версты—на югъ отъ города находилась часовня (молитвенный домъ) св. великомученика Георгія, при которой Мелетій, по словамъ Николая Меѳонскаго, пробылъ долгое время, прежде чѣмъ прославился въ окрестностяхъ и сталъ привлекать къ себѣ другихъ ищущихъ спасенія; а когда это началось, то скоро повело къ превращенію часовни въ монастырь. Затѣмъ у Николая Меѳонскаго идетъ рѣчь о путешествіи сначала въ Римъ, а

потомъ ко Святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ. У Феодора Продрома мы читаемъ, что Мелетій провель въ Віотіи, по сосѣдству съ Фивами, 28 лѣтъ, но при этомъ остается не совсѣмъ яснымъ, озпачаетъ ли эта цифра только годы до паломничества ко Святымъ мѣстамъ или всю совокупность времени, проведеннаго Мелетіемъ при монастырѣ св. Георгія, такъ какъ онъ оставался при немъ нѣкоторое время и послѣ возвращенія. Что касается самаго паломничества, то тутъ есть небольшое разногласіе между Николаемъ Меѳонскимъ и Феодоромъ Продромомъ. У перваго Мелетій сначала посѣщаетъ Римъ, а затѣмъ Іерусалимъ, у Продрома на оборотъ—сначала Палестину, а затѣмъ Римъ и Западъ. Такъ какъ Продромъ разказываетъ о паломничествѣ своего героя съ гораздо бѣльшими подробностями, то мы и должны признать, что онъ имѣлъ лучшія свидѣнія объ этомъ эпизодѣ и вѣрнѣе представляетъ послѣдовательность отдѣльныхъ его моментовъ. То, что говорится во второмъ житіи о притѣсненіяхъ, которымъ подвергался въ Палестинѣ путешествующій грекъ-поклонникъ, въ сущности напоминаетъ западныя сказанія таковаго рода, относящіяся ко второй половинѣ XI вѣка—къ періоду турецкаго господства и нѣсколько ранѣе: отъ Мелетія требовали, чтобы онъ совершилъ поруганіе надъ крестомъ христіанскимъ; объ одномъ западномъ знатномъ паломникѣ повѣствуется, что онъ только благочестивою хитростью освободился отъ необходимости вынужденнаго надругательства надъ самымъ подлиннымъ крестомъ Христовымъ ¹⁾. Загадочнымъ представляется сообщеніе о союзной помощи изъ счастливой Аравіи, которая освободила Мелетія отъ насилій мусульманъ и доставила ему возможность поклониться Іерусалимскимъ святынямъ. Освободителями являются аравитяне или сарацины, что по обычному тогдашнему словоупотребленію—одно и то же; кто же были притѣснителями? Всего естественнѣе предположить, что тутъ имѣются въ виду турки-сельджуки, захватившіе власть надъ Палестиною и Святымъ градомъ въ 1070 году и ознаменовавшіе начало своей власти всякаго рода жестокостями и насиліями противъ христіанъ и особенно противъ паломниковъ; у латинскихъ писателей той же эпохи они рѣзко отличаются отъ сарацинъ, подъ которыми разумѣются всѣ признающіе исламъ народы, за исключеніемъ именно турокъ. Турки противоплагаются

¹⁾ Имъ вѣтся въ виду извѣстный разказъ о Фулькѣ Нерра, графѣ Анжуйскомъ. См. *Michaud. Histoire des croisades.* I, 44 примѣч. *Dixerunt, nullo modo ad sepulchrum optatum pervenire posse nisi super illud et crucem Dominicam mingeret.*

сарацинамъ, между прочимъ, и по характеру своего отношенія къ христіанамъ мѣстнымъ и пришлымъ. Съ точки зрѣнія хронологической всего удобнѣе отнести эпизодъ именно къ самому началу сельджукскаго господства въ Сиріи и Палестинѣ, когда сельджуки только что утвердили свое преобладаніе въ окрестностяхъ Іерусалима и вели борьбу съ мѣстными сарацинскими эмирами, признававшими верховную власть Фатимидскаго египетскаго калифа. Власть турокъ-сельджуковъ утверждена была въ Іерусалимѣ въ 1070 году ¹⁾. Впрочемъ, и ранѣе того возможны были такіе случаи, что христіанскіе пилигримы, захваченные въ плѣнъ на земляхъ сарацинскихъ кочевыми племенами арабовъ (бедуиновъ), находили себѣ друзей и защитниковъ среди другихъ мѣстныхъ элементовъ мусульманскаго вѣроисповѣданія. Въ подробныхъ повѣствованіяхъ о знаменитомъ паломничествѣ четырехъ нѣмецкихъ епископовъ, предводившихъ караваномъ богомольцевъ въ семь, а по другимъ даже въ одиннадцать тысячъ человекъ, повѣствуется, какъ они подверглись нападенію арабовъ, отъ которыхъ они храбро отбивались, но все-таки безъ надежды на спасеніе, и какъ имъ пришелъ на помощь эмиръ города Рамлэ. Хотя и самъ сарацинъ, эмиръ, увидя въ плѣну у христіанъ связанныхъ арабовъ, сказалъ епископамъ: „своею храбростію вы освободили насъ отъ величайшихъ нашихъ враговъ“ ²⁾. Это было въ 1064 или въ 1065 году.

По словамъ Θεодора Продрома, Мелетій пробылъ въ Палестинѣ три года и посѣтилъ, кромѣ Іерусалима, не только гору Фаворъ, но и пустыню Іорданскую; въ данную эпоху она считалась малодоступнымъ и наиболѣе опаснымъ пунктомъ для паломниковъ, вслѣдствіе набѣговъ арабскихъ, такъ что сейчасъ упомянутый караванъ западныхъ пилигримовъ долженъ былъ отказаться отъ его посѣщенія. Въ житіяхъ греческаго подвижника св. Христодула († 1093) говорится, что онъ, послѣ поклоненія Святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ и Внелеемѣ, поселился въ одномъ монастырѣ въ при-Іорданской пустынѣ, имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду, слѣдовательно около 1046 года, но чрезъ нѣсколько лѣтъ потомки Агари сдѣлали набѣгъ на пустыню, разорили монастырь, монаховъ частію убили, частію увели въ плѣнъ ³⁾. Даже скандинавскіе скальды, слагавшіе похвалы королю

¹⁾ *Weil. Geschichte der Chalifen* 111, 110. Ср. 126.

²⁾ *Michaud. Histoire des croisades*. I, pag. 437, *Wilken. Geschichte der Kreuzüge*. I, 40—41.

³⁾ Служба св. Христодулу и житія (Ἀκολουθία Χριστοδούλου et cet.) pag. 118, 136. Ср. *Martinow. Annus eccles. Graeco-slavicus*, pag. 203.

Гаральду Гаардраду (Смѣлому), приписываютъ ему укрощеніе невѣрныхъ людей на берегу Иордана и наказаніе ихъ за несомнѣнный злодѣйства, разумѣя подъ невѣрными всего скорѣе бедуиновъ¹⁾. Что касается Галилеи Вознесенія, о которой упоминается у Продрома въ перечисленіи Святыхъ мѣстъ, посѣщенныхъ Мелетіемъ, то извѣстно, что такая Галилея находится подлѣ самаго Иерусалима, на горѣ Елеонской, тамъ, гдѣ ангелъ сказалъ апостоламъ: мужи Галилейскіе, что стоите, смотря на небо и т. д. По одному житію раньше, а по другому позже путешествія въ Палестину, Мелетій совершилъ также хожденіе въ Римъ на поклоненіе гробницамъ апостоловъ Петра и Павла. Паломничество въ Римъ, даже и послѣ раздѣленія церкви, не должно представляться намъ чѣмъ-то страннымъ. Оно было дѣломъ обычнымъ въ прежнія времена—до раздѣленія церкви, особенно въ иконоборческой періодъ, когда Римскій первосвященникъ являлся главнымъ противникомъ ереси, главною опорой монашеской противъ нея оппозиціи на Востокѣ. Но и послѣ традиція держалась. Не останавливаясь на примѣрахъ VIII и IX вѣковъ (св. Іосифъ Пѣнописецъ, св. Григорій Деканолитъ и т. д.), припомнимъ, что и Лука Елладскій въ началѣ X вѣка посѣтилъ Римъ, что и о святомъ Христодулѣ, современникѣ нашего Мелетія, есть извѣстія, говорящія о предпринятомъ имъ и совершенномъ хожденіи съ Мизійскаго Олимпа въ отдаленный Римъ (прежде отправленія въ Палестину), хотя въ собственной записи Христодула о томъ умалчивается. Сверхъ того, Продромъ прибавляетъ во всякомъ случаѣ любопытную и цѣнную черту, заключающуюся въ томъ, что и старый Римъ не былъ послѣднимъ предѣломъ странствованія Мелетія на Западѣ, что онъ посѣтилъ даже Галлію Іакова (pag. 47, стр... πρὸς τὰς Ἰακώβου Γαλλίᾱς), а подъ этимъ названіемъ скрывается не какая другая страна, какъ Испанія или собственно ея провинція Галиція (не слѣдуетъ ли читать Γαλλαχία?). Начиная съ IX или X столѣтія, въ продолженіе какъ остающихся среднихъ вѣковъ, такъ и позднѣе, гробъ апостола и его храмъ въ Компостеллѣ были наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ поклоненія для западныхъ христіанъ на ряду съ гробами апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ. Въ XII вѣкѣ былъ учрежденъ знаменитый орденъ св. Іакова Компостельскаго (иначе de la espadá). Что касается извѣстности и распространенности культа мощей Іакова па православ-

¹⁾ Antiquités russes II, 24. Гаральдъ могъ быть въ Палестинѣ около 1035 года.

номъ востокѣ, то конечно, нельзя объ этомъ ожидать частныхъ указаній. Наше извѣстіе едва ли не единственное по своей древности.

Новый періодъ въ жизни Мелетія начинается переселеніемъ его изъ монастыря великомученика Георгія по сосѣдству съ Ѳивами въ другое пустынное мѣсто, еще болѣе прославленное его подвигами, гдѣ онъ основалъ новую обитель, и до сихъ поръ существующую подъ его именемъ. Николай Меѳонскій разказываетъ объ этомъ такъ: рѣшившись искать болѣе пустыннаго мѣста, Мелетій удалился на недоступную и крутую гору, называемую Міупольскою, былъ принять игуменомъ находившагося на ней монастыря, который называется монастыремъ Симвула или же просто Симвулъ; онъ получилъ отъ него для себя часовню въ честь Спасителя, которая тогда имѣла убогій видъ, а послѣ превратилась въ обширный и прекрасный храмъ; въ скоромъ времени и здѣсь образовалась вокругъ прославленнаго подвижника значительная община монаховъ, построены были келліи, но помѣщеніе становилось тѣснымъ для постоянно умножающагося числа отшельниковъ, и поэтому, когда игуменъ главнаго монастыря, то-есть, Симвула, Ѳеодосій, скончался, то Мелетій приобрѣлъ въ свою собственность эту большую обитель—съ храмомъ въ честь архангеловъ (архистратиговъ). У Ѳеодора Продрома мы находимъ болѣе отчетливыя подробности. Онъ мимоходомъ упоминаетъ о неудавшейся и скоро оставленной попыткѣ основаться на горѣ Филагріевой, которую мы должны предполагать гдѣ-нибудь въ Віотіи, неподалеку отъ Ѳивъ, но для которой не можемъ, однако, нигдѣ отыскать подходящаго пріуроченія, или даже другаго упоминанія. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе мѣстности новаго поселенія. Міуполь есть селеніе, пограничное между Атикою и Віотією; подлѣ него возвышается суровая и скалистая гора, совершенно безводная, почти недоступная для людей; здѣсь Мелетій нашелъ храмъ во имя Спасителя, и при немъ поселился; когда вокругъ него стали собираться въ большомъ количествѣ любители отшельничества, онъ выстроилъ еще два новыхъ храма: одинъ въ честь Богоматери, другой во имя пророка Іліи, и такъ какъ собравшаяся община пуждалась въ совершеніи таинствъ и въ духовникѣ, который могъ бы разрѣшать отъ грѣховъ, то Мелетій испросилъ и получилъ отъ тогдашняго патріарха, по имени Николая (1084 — 1111), санъ и власть священства (слѣдовалъ іеромонахомъ), а потомъ уже приобрѣлъ монастырь Симвула, прозываемый обителью Безтѣлесныхъ (то-есть, ангеловъ или архангеловъ). На содержаніе этого послѣдняго импера-

торъ Алексѣй Комнинъ (1081 — 1118) по истеченіи вѣкотораго времени назначилъ изъ податныхъ сборовъ Аттики ежегодно значительную по тогдашнему сумму въ 422 золотыя монеты.

Сообщенія новѣйшихъ путешественниковъ даютъ намъ возможность точнѣе опредѣлить мѣстоположеніе первоначальнаго поселенія, гдѣ былъ храмъ Спасителя, и стариннаго монастыря Симвулъ, обращеннаго въ главную обитель Мелетія ¹⁾. На южномъ склонѣ древняго Киеерона, при спускѣ съ высшаго пункта этой горной цѣпи, черезъ полчаса ходьбы, среди сосновыхъ лѣсовъ, встрѣчается пугнику монастырь, носящій теперь названіе Св. Мелетія; онъ расположенъ въ чрезвычайно живописной и пріятной мѣстности; внизу простирается долина, по направленію къ которой гора понижается нѣсколькими воздѣланными террасами; монастырскія постройки обвиты плющемъ, вокругъ струится множество источниковъ, освѣженныхъ лавровыми деревьями и текущихъ внизъ по направленію къ монастырскимъ садамъ, оливковымъ и буковымъ рощамъ; сохраняя, благодаря орошенію, постоянную зелень, эти сады и рощи представляютъ восхитительный контрастъ со скалами и мрачными сосновыми лѣсами Киеерона. Монастырь въ настоящемъ столѣтіи, при посѣщеніи его англичаниномъ Ликомъ, пользовался благосостояніемъ и могъ считаться однимъ изъ самыхъ богатыхъ; кромѣ пахатной земли, онъ имѣлъ 3.000 головъ скота, то-есть, овецъ и козъ; монастырская церковь, византійской постройки, еще сохраняла слѣды прежняго величія: въ ней еще можно было видѣть мраморныя колонны, по словамъ монаховъ, добытыя по сосѣдству извнутри горной цѣпи, выше монастыря. Около двухъ (англійскихъ) миль къ югу отъ монастыря, на восточной окраинѣ вышеупомянутой долины (она простирается здѣсь на четыре или пять миль) находятся развалины, называемыя Міуполи (Μυούπολι), указывающія на прошлое существованіе здѣсь небольшого городка, имѣвшаго, однако, внутри цитадели; отсюда на полчаса разстоянія къ западу на вершинѣ высокой и крутой скалы, находятся развалины другаго древняго города, называемыя теперь Гифтокастро (египетскій, то-есть, цыганскій городокъ): это суть древнія греческія или въ частности аттическія общины Элеверы и Иноя (Eleutherae, Oenoe), при чемъ остается нѣсколько сомнительнымъ, находились ли Элеверы на мѣстѣ Гиф-

¹⁾ Почти все, что слѣдуетъ далѣе относительно топографіи, заимствовано у Лива. См. *Leak, Travels in Northern Greece* (London. 1835), 111, 330, 369—375.

токастро, а Иноа на мѣстѣ Миуполи, или же на оборотъ; на современныхъ картахъ древней Греціи Елевееры обыкновенно отмѣчаются тамъ, гдѣ теперь Гифтокастро, тогда на мѣстѣ древней Иноа нужно предполагать нынѣшній Миуполи ¹⁾. Монастырю св. Мелетія принадлежитъ также метохія по другую (сѣверную) сторону Клеверона, тамъ, гдѣ начинаются его предгорія, расположенная на отдѣльномъ плоскомъ возвышеніи, внизу котораго, на сѣверѣ, простирается долина рѣки Асопа (Парасопія). Здѣсь именно находился древній Сколъ (Σκόλος); мѣсто въ древности пользовалось дурною славою по своему пустынному и унылому виду, и считалось при томъ небезопаснымъ отъ разбойниковъ ²⁾. Хотя по близости и находится здѣсь источникъ, впадающій въ Асопъ (на четверть часа разстоянія), такъ что совершенно безводнымъ мѣста и нельзя считать, все-таки оно болѣе соотвѣтствуетъ описанію у Продрома Мелетіевой обители, чѣмъ собственно Мелетіевъ монастырь на южной сторонѣ Клеверона. Поэтому мы думаемъ, что на мѣстѣ нынѣшней метохіи находилось первоначальное поселеніе Мелетія и часовня (а потомъ храмъ) Спасителя, что нынѣшній Мелетіевъ монастырь соотвѣтствуетъ древнему монастырю Симвула, приобретенному впоследствии Мелетіемъ и сдѣлавшемуся главною его обителью, и что описаніе Продрома имѣетъ въ виду главнымъ образомъ первоначальный пунктъ поселенія Мелетія съ братією, и оттого не совсѣмъ соотвѣтствуетъ даннымъ о теперешнемъ положеніи монастыря св. Мелетія.

Переходимъ къ наиболѣе важнымъ событіямъ, ознаменовавшимъ второй періодъ подвижнической жизни Мелетія. Отмѣчаемъ прежде всего землетрясеніе, которое, по разказу Николая Меоопскаго, было заранѣе предсказано Мелетіемъ, что послужило на пользу не только его обители, но и всего христіанскаго міра. Мы имѣемъ и другія вполне историческія свѣдѣнія о землетрясеніи, постигшемъ имперію при Алексѣѣ Комнинѣ, по которымъ это событіе можетъ быть относимо къ 1087 или же 1091 году. Затѣмъ изъ ряда послѣдующихъ чудесъ, обнаружившихъ даръ прозрѣнія, дарованный Мелетію, обращаетъ на себя вниманіе то, которое касается прямо тогдашнихъ по-

¹⁾ Собственно одинъ только *Ликъ* высказываетъ сомнѣнія и скорѣе склоняется въ пользу отождествленія Елевееръ съ Миуполи и Иноа съ Гифтокастро: его соображенія см. *Travels* III, 375—378.

²⁾ *Leak. Travels in Northern Greece* III, 330, 369. *Ulrichs. Reisen und Forschung.* II, 72, 73, 74.

литическихъ или даже военныхъ событій, и опять разказано однимъ только Николаемъ Меоонскимъ. Чудо заключалось въ томъ, что, находясь въ своей отдаленной обители на южномъ склонѣ Киоерона, Мелетій провидѣлъ духомъ одинъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ царя Алексѣя Комнина съ куманами, то-есть, половцами, при подошвѣ Балканъ и на побережьи Чернаго моря; своимъ словомъ и движениемъ руки онъ удержалъ находившагося въ укрѣпленномъ Анхіалѣ императора отъ могущаго оказаться губельнымъ рѣшенія сдѣлать преждевременную вылазку, тогда какъ врагамъ суждено было потерпѣть неудачу и разсѣяться вслѣдствіе собственнаго внутренняго раздора. Ясно и несомнѣнно, что при этомъ имѣется въ виду эпизодъ, относящійся къ 1095 году и подробно описанный дочерью императора, Анною Комниною; отмѣченный также въ русской первоначальной лѣтописи по тому поводу, что на Руси были очень заинтересованы личностію предводителя половцевъ, мнимаго и самозваннаго сына бывшаго императора Діогена, названнаго въ лѣтописи Девгеневичемъ¹⁾.

Такой же характеръ и такое же отношеніе къ исторической дѣйствительности имѣетъ и другое сказаніе Николая Меоопскаго о событїи, который подавъ былъ Мелетіемъ царскому свойственнику Іоанну Дуку относительно похода на Критъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ походѣ въ Алексіадѣ Анны Комнины, почти также кратки, какъ и въ нашемъ Житїи, но подробности все-таки не совсѣмъ совпадаютъ тамъ и здѣсь. По словамъ Анны, когда императоръ Алексѣй узналъ о возмущенїи Карика, овладѣвшаго Критомъ, то онъ послалъ противъ него съ большимъ флотомъ Іоанна Дуку; Дука прибылъ къ острову Карпаеу (Karpatho или Scarpautho на юго-западъ отъ Родоса, на сѣверо-востокъ отъ Крита) и критяне, свѣдавъ объ его близости, возстали противъ бунтовщика, убили его жестокииъ образомъ и сами передали островъ царскому адмиралу Дуку²⁾ Между тѣмъ въ нашемъ Житїи, Дука, по совѣту Мелетїа, спокойно остается со своимъ флотомъ въ Еврипѣ (у острова Евбеи или Негро

¹⁾ Лѣто 8603 (1094—1095) идоша половцы на греки съ Девгеневичемъ.

²⁾ Annae Comnen. Alexiad. lib. IX, cap. 2. ed. Teubner (Reifferscheid) t. II, 33. Μεραθηκῶς ὁ αὐτοκράτωρ τὴν τοῦ Καρύκη ἀποστασίαν καὶ ἐτι τὴν Κρήτην κατέσχευ, — — τὸν Δούκαν Ἰωάννην ἐξέπεμψε. καταλαβόντα δὲ τὸν Δούκαν τὴν Καρπαθὸν οἱ Κρήτες μεραθηκότες, — — ἐπιθέμενοι τῷ Καρύκη δεινὸν τὸν φόνον κατ' αὐτοῦ ἀπειργάσαντο καὶ οὕτω τὴν Κρήτην τῷ μεγάλῳ δουκὶ παραδεδώκασι. Op. Zonar. lib. XVIII, cap. 22 (ed. Dindorf, IV, 239).

понта), здѣсь получаетъ извѣстіе кончинѣ (то-есть, объ естественной какъ бы смерти) бунтовщика; и затѣмъ уже отплываетъ къ Криту. Муральтъ (Chronogr. Byzantine II, 69) относитъ событіе къ 1092 году.

Очень любопытенъ разказъ Николая Меонскаго о благосклонномъ приѣмѣ, оказанномъ со стороны Мелетія западнымъ людямъ, направлявшимся морскимъ путемъ въ Іерусалимъ и вслѣдствіе неблагоприятнаго вѣтра, задержавшаго ихъ плаваніе, приставшимъ въ Пирей, гавани Аонинской. „Пришлось даже и римлянамъ—я разумѣю старый Римъ—не остаться чуждыми щедротамъ отца, по испытать ихъ на дѣлѣ, и стать непреложными свидѣтелями и громкими глашатаями его чудесъ. Направляясь нѣкогда морскимъ путемъ въ Іерусалимъ и задержанные неблагоприятнымъ вѣтромъ гдѣ-то въ Эгейскомъ заливѣ, они пристали въ Пирей, гавани аонинской; тогдашній аонинскій правитель, считая этихъ людей подозрительными, такъ какъ они были намъ враждебны и совсѣмъ не благорасположены къ царю, отнесся къ нимъ тоже неблагоприятно и не позволялъ имъ плыть далѣе. Проводя время въ Аоннахъ, эти люди узнали о святомъ: нужда дѣйствительно находчива и вездѣ отыскиваетъ ей полезное; и вотъ они прибѣгнули къ нему, съ горестію разказали о своемъ положеніи, и просили о помощи; она и подана была тотчасъ и едва ли не съ большею готовностію, чѣмъ они требовали. Когда святой убѣдился, что они проникнуты благоодобрительнымъ настроеніемъ по отношенію къ Богу и къ царю, то представилъ ихъ такими и предъ аонинскимъ правителемъ; и тотъ, уважая полную достовѣрность посредника, тотчасъ переѣхалъ въ своею настроеніи въ болѣе благоприятную для римлянъ сторону, освободилъ ихъ отъ подозрѣнія, отпустилъ изъ невольной здѣсь остановки. Получивъ и царскую грамоту, разрѣшающую имъ отплыть куда хотятъ, они на сей разъ удалились; но впоследствии, вспоминая объ отеческой милости, каждый годъ вновь являлись многіе, приходи въ монастырь цѣлыми отрядами, по пятидесяти или даже по шестидесяти человекъ, а бывало, что приходило больше и чаще, и всѣ получали отеческое благословеніе и участіе въ трапезѣ“. Въ повѣствованіи есть черты, заставляющія думать, что тутъ идетъ рѣчь не просто о паломникахъ, а о тѣхъ многочисленныхъ и многолюдныхъ, большею частію вооруженныхъ отрядахъ, которые со всѣхъ сторонъ и всѣми путями стремились въ Святую Землю тотчасъ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами въ 1099 году. Аонинскій правитель считалъ этихъ людей враждебными царю, подозрительными и опасными

и хотѣлъ ихъ задержать; и, только вслѣдствіе заступничества за нихъ Мелетія и на основаніи полученной царской грамоты, разрѣшилъ имъ удалиться и плыть далѣе. Въ собственно историческихъ источникахъ, относящихся къ эпохѣ перваго крестоваго похода, нигдѣ не упоминается объ Аѣнахъ и Пиреѣ, какъ перепутьѣ на дорогѣ въ Іерусалимъ. Сборнымъ пунктомъ былъ Константинополь; народныя массы Петра Пустынника съ товарищами, а затѣмъ и рыцарское ополченіе изъ сѣверной Франціи и Лотарингіи двигались туда сухопутною дорогою черезъ Венгрію; даже крестоносцы южной Франціи и южно-италійскіе норманны, переплывъ Адриатическое море, высаживались на эпирскомъ берегу и отъ Драча (Дураццо) направлялись по старой римской дорогѣ къ Солуни и Царьграду. Морской путь, впрочемъ, скоро сталъ пріобрѣтать первенствующее значеніе. Онъ имѣлъ такой маршрутъ: садились на суда въ южно-италіанскихъ гаваняхъ въ Бриндизи, Вари или Мессинѣ, либо даже въ морскихъ городахъ сѣверной Италіи—въ Генуѣ, Пизѣ, Венеціи; въ томъ и другомъ случаѣ держались береговъ и отъ Мессины, служившей необходимомъ перепутьемъ, направлялись къ Ионическимъ островамъ, огибали южную оконечность Греціи, къ сѣверу отъ Крита принимали уже восточное направленіе, достигали Кипра, а отсюда береговъ Сиріи и Палестины. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ такой путь, очевидно, не предполагаетъ нужды заходить въ Оивы или Аѣны. Тѣмъ не менѣе есть одинъ примѣръ, посѣщенія этихъ городовъ, засвидѣтельствованный самимъ западнымъ паломникомъ, описавшимъ свое путешествіе. Мы имѣемъ въ виду англо-сакса Севульфа, современника нашего Даніила. Паломникъ Севульфъ, отплывшій въ Іерусалимъ изъ Италіи въ іюль 1102 года, говоритъ, что онъ, по неимѣнію хорошаго корабля, не могъ слѣдовать по прямому пути и, вмѣстѣ съ другими туда отправлявшимися, плыть по открытому морю, вслѣдствіе того со своими товарищами онъ избралъ необычный маршрутъ: изъ Бриндизи мимо Корфу они доѣхали только до Патръ (Патраса), затѣмъ пристали въ Коринѣ, а отсюда переплыли въ гавань Осту, то-есть, нынѣшнюю бухту Ливадостро (на югѣ Віотія, на мѣстѣ древняго Кревзиса), и здѣсь былъ конецъ ихъ плаванія на италіанскихъ судахъ; они рѣшили перебраться на восточную сторону средней Греціи, на островъ Негропонтъ (Ембею), и оттуда—вѣроятно, на греческихъ корабляхъ—плыть уже по направленію къ Криту и черезъ Патмосъ къ Ефесу. Такое рѣшеніе было причиною того, что во крайней мѣрѣ въ ходеніи Севульфа прямо упомянуты и Оивы, и Аѣны. Изъ Ливадостро,

пишетъ Севульфъ, мы—кто пѣшкомъ, кто на ослахъ—добрались въ два дня до Оивъ, города, обыкновенно называемаго Стивою. На слѣдующій день мы прибыли въ Негропонтъ; тамъ мы наняли другое судно ¹⁾. Севульфъ нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и объ Аѳинахъ, хотя не видно, чтобы онъ самъ посѣтилъ этотъ городъ (развѣ изъ Коринѳа, откуда, по его словамъ, до Аѳинъ тоже два дня пути); онъ упоминаетъ и церковь блаженной Маріи и лампаду, въ ней находящуюся, въ которой масло постоянно горитъ, но никогда не уменьшается въ количествѣ. Рѣчь идетъ о знаменитомъ храмѣ Панагіи на мѣстѣ древняго Пареемона, о которомъ знаютъ и другіе западные географы ²⁾. Такъ или иначе, мы видимъ, что дѣйствительно западные люди тотчасъ послѣ перваго крестоваго похода бывали въ Оивахъ, и, даже, по видимому, въ Аттікѣ; слѣдовательно не имѣетъ ничего неправдоподобнаго и повѣствованіе о приѣмѣ ихъ Мелетіемъ въ своей обители, лежавшей на пути отъ Оивъ къ Аѳинамъ. Мы могли бы даже предположить, что въ житіи Мелетія именно идетъ рѣчь о спутникахъ Севульфа, если бы и остальные подробности болѣе сходились. То, что гости св. Мелетія пристали прямо въ Пирей, то-есть, на восточной сторонѣ Греціи и Коринѳскаго перешейка, объяснимо именно только неблагоприятными вѣтрами при плаваніи отъ южной оконечности Мореи къ Криту. Подобная неприятность могла, конечно, постигнуть тѣхъ же соплеменниковъ Севульфа, отправившихся ранѣе его.

Въ историческомъ и бытовомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ тѣ разказы, которые относятся къ высшимъ сановникамъ и мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ. У Николая Меевскаго названъ одинъ изъ нихъ, Константинъ Хирсфактъ, преторъ Еллады, и еще отдѣльно дуксъ Оивъ, Вріенній; у Теодора Продрома являются на сцену Енифапій Каматиръ, апоипатъ (проконсулъ) Еллады и Целопонниса, Варда Иканатъ, бывшій три раза правителемъ (аноипатомъ) Еллады и Целопонниса и Левъ Никеритъ, который, вѣроятно, носилъ ту же самую должность, хотя

¹⁾ Путешествіе Зевульва въ Святую Землю въ русскомъ переводѣ П. Безобразова при новомъ изданіи хожденія Даниила въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ: выпускъ IX, стр. 265.

²⁾ (Ravennatis Anonymi Cosmographia et) Gudonis geographia ed. Pinder, pag. 537. Athene—in qua divinum lumen atque ixextinguibile—in templo virginis Mariae....

прямо упомянуто только его управление въ Пелопоннисѣ, но въ данный періодъ времени управление Еллады, то-есть, средней Греціи и Пелопонниса обыкновенно соединялись вмѣстѣ ¹⁾. Для періода приблизительно въ двадцать лѣтъ мы получаемъ названіе четырехъ областныхъ правителей Еллады и Пелопонниса и при этомъ узнаемъ, что иногда одно и то же лицо черезъ короткій промежутокъ времени получало въ управленіе область, недавно имъ оставленную; такъ Варда Иканатъ былъ въ періодъ жительства Мелетія въ Міуполѣ если не три, то два раза воеводою (первый разъ онъ могъ быть имъ до переселенія Мелетія изъ-подъ Фивъ). Ясно, что сроки управления были довольно короткіе и движеніе по службѣ быстрое, хотя и не было твердо установленнаго ранга между отдѣльными провинціями, такъ что не считалось постыднымъ по истеченіи извѣстнаго времени опять воротиться на старый постъ. Никакъ не слѣдуетъ думать, что которое-нибудь изъ этихъ правительственныхъ лицъ можетъ считаться вымышленнымъ или несуществовавшимъ въ дѣйствительности. Двое изъ нихъ намъ оставили свои собственныя должностныя и при томъ, по византійскому обычаю, именныя печати, которыя археологами, начинающими весьма ревностно собирать и изучать такого рода памятники, какъ оказывается, весьма удачно были отнесены именно къ XI столѣтію. Константинъ Хирсфактъ, имя котораго (по не званію) встрѣчается у историческихъ писателей времени Комниновъ ²⁾, увѣковѣчилъ себя печатью съ надписью, представляющею даже двустяшіе, написанное размѣромъ ямбическихъ триметровъ ³⁾.

Ἑλλάς με καὶ (ἡ) Πελοπόννησος δεῦρος
 Κωνσταντῖνον κραίτωρα τὸν Χιρσοφάκτην.
 (Прими меня, Еллада и Пелопоннисъ,
 Константина претора Хирсфакта).

Болѣе простая прованческая надпись на печати Варды Иканата читается такъ ⁴⁾.

¹⁾ *Schlumberger. Sigillographie Byzantine* pag. 163; *Mordtmann. Plombs byzantines de la Grèce et du Peloponnèse: Revue archéolog.* Mai 1877; *Скабалано-вичъ. Визант. государство и церковь въ XI в.,* стр. 187.

²⁾ *Annae Comnen. Alex. lib. III, cap. 10* (ed. *Teubner*), I pag. 120; *Bryenn.* pag. 130 (ed. *Bonn.*).

³⁾ *Schlumberger. Sigillog.* pag. 188, 636. Ср. *Mordtmann. Plombs byzantines: Revue archéol.* 1877 t. II, p. 48.

⁴⁾ *Schlumberger. Sigillog. Byz.,* p. 188; *Mordtmann, l. c.*

Θεοτίκα βοήθει τῷ σφ̄ δοῦλε Βάρδα κράτορι Ἑλλάδος καὶ Πελοποννήσου τῷ Ἰκανάτῳ.

(Богородице, помогай рабу твоему, претору Еллады и Пелопонниса, Вардѣ Иканату).

Левъ Никеритъ встрѣчается нѣсколько разъ на страницахъ историческаго сочиненія Анны Комнины. Около 1092 года онъ получилъ воеводство Придунайскихъ областей, то-есть, Болгаріи, и оставался въ этомъ званіи до 1096 года, когда здѣсь появились первыя толпы крестоносцевъ подъ предводительствомъ народныхъ вождей Вольтера Голяка и Петра Пустынника. Западные писатели знаютъ его подъ искаженнымъ именемъ и несомнѣнъ правильнымъ титуломъ: князь Болгарскій Никита, имѣющій свою столицу въ Нишѣ, которому пришлось вѣдаться съ буйными и склонными въ грабежу передовыми дружинами крестоноснаго ополченія, есть именно нашъ Левъ Никеритъ. Впослѣдствіи около 1108 года онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ царя Алексѣя противъ Боэмунда Тарентскаго въ Эпирѣ. Елладю и Пелопоннисомъ онъ управлялъ, вѣроятно, въ промежуткѣ между означенными двумя годами (1096—1108).

По словамъ Николая Мееонскаго, Мелетій умеръ, имѣя отъ роду около семидесяти лѣтъ. На основаніи соображеній, которыя изложены во введеніи къ изданію житій, приготовленному для Православнаго Палестинскаго Общества, это будетъ совпадать приблизительно съ 1105 годомъ.

Послѣ двухъ житій Мелетія и службы этому святому, которой мы отдѣльно не считаемъ, слѣдуетъ десять статей, не представляющихъ интереса новизны, такъ какъ всѣ онѣ въ томъ же самомъ или въ нѣсколько иномъ изводѣ могутъ быть отысканы въ печатныхъ изданіяхъ—за исключеніемъ одной анонимной, о которой мы пока не въ состояніи сказать что-либо положительное.

3) Слово на перенесеніе руки Іоанна Крестителя изъ Антиохіи. Разумѣется перенесеніе святини въ Константинополь, послѣдовавшее въ 950 году. Начало: Ἰδοὺ καὶ πάλιν ἡμῖν ὁ ἱερός. Напечатано, но только въ латинскомъ переводѣ, у Сурія (Vitaе Sanct. VIII, 730) и Болландистами въ Acta Sanctorum 24 Jun. t. V p. 629; приписывается Θεодору Дафнопату, другими — самому Константину Багрянородному (см. Rambaud. L'empire grec au X siècle, pag. 112).

4) Слово безъ имени автора на начало поста, какъ это видно изъ первыхъ словъ: πρέκοσαν τῆς τῶν νηστειῶν ἀρχῆς.

5) Мученіе святаго великомученика Неофита. Начало: Οὐ πολλὰ

μόνον, ἀλλὰ καὶ τερπνά. Издано только въ послѣднее время въ Венеціанскомъ сборникѣ іеродіакона Θεοφιλα Ιωάννα: Μνημεῖα ἀγιολόγια pag. 932 — 951. Venetia, 1884. У Маттеи не сдѣлано никакой замѣтки, такъ что статью можно было считать извѣстною.

6) Слово Меодія Патарскаго на Срѣтеніе Господне. (Migne. Patrol. graec. t. XVIII, 348).

7) Слово Андрея Іерусалимскаго, епископа Критскаго, въ недѣлю Βαῖβι (Migne. Patrol. graec. t. XCVIII, 985).

8) Слово Кирилла Іерусалимскаго на Срѣтеніе (Migne. Patrol. graec. t. XXXIII, 1188).

9) Амфилохія бесѣда—тоже на Срѣтеніе (Ibid. t. XXXIX, 44).

10) Житіе преподобнаго Авксентія. Начало: Θεοδοῖος ὁ νέος. Напечатано въ первоначальной болѣе обширной редакціи у Мина: Patrol. Graec. CXIV, 1377 и сл., въ болѣе краткой, но тоже отличной въ Acta Sanctor. 14 Februar. II, 770, 782.

11) Мученіе св. Поликарпа Смирнскаго. Начало: Ἡ ἐκκλησία τοῦ Θεοῦ, ἡ παροικουσα. (Migne. Patrol. gr. XX).

12) Житіе великомученицы Евдокіи. Начало:—Ἡ ἀγία μάρτυς. Напечатано въ иной редакціи въ Acta Sanct. 1 Mart.

№ 13.

Fol. 101. Βίος τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφάνους καὶ ὁμολογητοῦ τῆς Συριανῆς. (Житіе иже во святыхъ отца нашего Θεοφана Исповѣдника, Сигриянскаго). Начало: ὡς περ λεγῶν εὐανθῆς. Издано въ латинскомъ переводѣ и въ греческомъ подлинникѣ въ Acta Sanctorum Болландистовъ подъ 12-мъ марта, гдѣ оно приписывается Симеону Метафрасту; перепечатано у Мина: Migne. Patrolog. graeca t. CXV.

№ 14.

Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοφάνους, ποίημα Μεθοδίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (Житіе преподобнаго отца нашего и исповѣдника Θεοфана, твореніе Меодія, патриарха Константинопольскаго). Начало: Ἐμκραχτον κάλλος καὶ προαιρετικὴν εὐμορφίαν.

Это второе житіе Θεοфана, знаменитаго борца за иконопочитаніе и автора извѣстной хроники, не было издано Болландистами, хотя они и знали о существованіи его. Къ сожалѣнію, и въ Московскомъ сборникѣ написанное Меодиємъ житіе сохранилось не вполнѣ, а съ большимъ пропускомъ въ срединѣ: на л. 116 рассказывается объ его обрученіи, на л. 117 начинается его бесѣда съ новобрачною женою,

обрывающаяся по срединѣ рѣчи, такъ какъ на Fol. 118 начинается уже другое, то-есть, идетъ дальнѣйшее біографическое повѣствованіе.— Нужно замѣтить, что существуетъ еще третья редакція житія, приписываемая Теодору Студиту и начинающаяся словами: Οἶον τι πάσχοοσι. Эта послѣдняя опять принадлежитъ къ изданіямъ; она напечатана въ латинскомъ переводѣ у Болландистовъ, и въ подлинникѣ предъ Парижскимъ изданіемъ хроники Теофана, а затѣмъ и при позднѣйшихъ ея изданіяхъ—Боннскомъ и новѣйшемъ де Бора (de Boor. Theophanis Chronographia. T. II Lipsiae, 1885) рядомъ съ тою, которая приписывается Метафрасту.

№ 15.

Fol. 127: Βίος τῆς ὁσίας μητρὸς ἡμῶν Θεοδώρας τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ.
(Житіе преподобной матери нашей Теодоры Θεσσαλονικійской). Начало:
Πολλοὺς ψυχφάτεῖς καὶ θαυμαστοὺς τόποις.

Это очень важное въ историческомъ отношеніи житіе не только никогда не появлялось въ печати, но даже и совсѣмъ было не извѣстно Болландистамъ, хотя они и догадывались объ его существованіи. Болландисты издали въ латинскомъ переводѣ и (въ Appendix) въ греческомъ подлинникѣ похвалу Теодорѣ Солунской, сочиненную Солунскимъ митрополитомъ XIV вѣка (около 1350 г.), Николаемъ Кавасилоу. О существованіи этого произведенія они узнали прежде всего изъ указанія Аллация въ Diatriba de Symeonum scriptis, гдѣ сей послѣдній выдѣляетъ житія, принадлежащія собственно Метафрасту, и затѣмъ нашли въ Вѣнской библіотекѣ рукопись, содержащую искому статью, которая и была для нихъ переписана Ламбециемъ. Въ предварительномъ комментарий къ похвалѣ подъ 5-мъ апрѣля совершенно справедливо замѣчено, что риторическое произведеніе Кавасилы богато не столько содержаніемъ, сколько словами. Est illud quidem cum exaggeratione multa et facundiae rhetoricae affectatione scriptum, verbis quam rebus copiosius. Сверхъ того въ комментарий Болландистовъ приведено краткое сказаніе изъ греческихъ миней, гдѣ главное вниманіе удѣлено посмертному чуду Теодоры, въ которомъ выразилось послушаніе святой къ бывшей ея и тоже скончавшейся игуменьѣ: трупъ Теодоры подвинулся, чтобы уступить мѣсто послѣ преставившейся игуменьѣ. На основаніи похвалы и краткаго сказанія можно было догадываться о существованіи полнаго жизнеописанія, послужившаго для обоихъ источникомъ, но Болландисты признаются, что они не могли отыскать никакихъ слѣ-

довъ такого житія. *Plenam de vita hujus S. Theodoraе historiam aliquando extitisse satis utique est credibile, sed hujus nullum hactenus indictum reperimus.* Оно теперь оказывается въ Московскомъ Синодальномъ сборникѣ. Содержаніе его гораздо богаче историческими указаніями, чѣмъ можно было заключить изъ малоопредѣленныхъ и темныхъ намековъ позднѣйшаго византійскаго ритора, Кавасилы. Не лишены цѣнности и новыя данныя по топографіи города Солуни, которая съ такимъ вниманіемъ была изучаема Тафелемъ (*de Thessalonica ejusque agro*) и новѣйшими мѣстными исследователями, Димицою (*Μακεδονικά, ὑπὸ Μ. Δημίτσα. Ἀθήνησιν, 1874*) и Хаджи Іоанномъ (*Ἀστογραφία Θεσσαλονίκης, ὑπὸ Μιχαήλ Χατζη Ἰωάννου, ἐν Θεσσαλονίκῃ, 1881*). Это будетъ ясно изъ приводимыхъ нами извлеченій. Въ началѣ житія находятся слова, изъ коихъ видно, что оно сочинено было тоже солунцемъ для произнесенія при гробѣ Теодоры въ окрестностяхъ Солуни.

„Такъ какъ насталъ благознаменательный день ежегодной памяти матери нашей Теодоры и заставилъ насъ, покинувъ пребываніе въ городѣ, всенародно собраться къ этому почтенному и неоскверненному сокровищу чудесъ, то было бы не хорошо, еслибы мы, не выслушавъ ничего объ ея благихъ дѣяніяхъ для назиданія нашего, опять воротились туда, откуда прибыли. Ибо не слѣдуетъ молчать о достойныхъ дѣяніяхъ матери вслѣдствіе того, будто времена тому не благоприятствуютъ; напротивъ — слѣдуетъ возвѣстить всѣмъ предѣламъ повѣсть объ ея чудесахъ, какъ о новоявленномъ и истинномъ, какъ о собственномъ нашемъ ѳессалоникійцевъ украшеніи“¹⁾. Отсюда видно, что житіе Теодоры предназначено было авторомъ для произнесенія при ея гробницѣ, находившейся внѣ города — въ предмѣстьи, вѣроятно, тамъ же, гдѣ впоследствии находился храмъ ея имени съ монастыремъ, вскользь упомянутый у писателя XV вѣка Георгія Франджи. При взятіи Солуни турками, мироточивыя мощи святой подверглись поруганію, какъ объ этомъ разказываетъ Іоаннъ

¹⁾ Fol. 127. Ἐπεὶ οὖν καὶ εὐσημος ἡμέρα τῆς ἐτησίου μνήμης τῆς ὁσίας μητρὸς ἡμῶν Θεοδώρας ἐφίστασα — — — τὰς ἐν ἄστει λιπεῖν διατριβὰς καὶ πρὸς τὸ σεμνὸν τοῦτο καὶ ἄσυλον τῶν θαυμάτων ταμεῖον πανδημῆι συρρεῦσαι ἠνάγκασεν· οὐ καλὸν ἡμᾶς μὴ τι τῶν ἐκείνης εἰς ἐγκρισμὸν ἀγαθῶν πράξεων ἀκηχοῦτα; κενοὺς πάλιν ὑπονοστήσαι ἔδειν ἐπαναδράμαμεν. Οὐ γὰρ διὰ τὸ μὴ χρόνοις βοηθεῖσθαι, διὰ τοῦτο σιωπητέον τὰ τῆς μητρὸς σεμνὰ κατορθώματα· τούναντίον δὲ ὡς ἀρτιφανῆ καὶ ἀληθῆ χρᾶν ὡς οἰκεῖον ἡμῖν τῶν Θεσσαλονικέων καλλώπισμα — — — τὴν τῶν θαυμάτων ἐκιδείξιν διαπροσίως κηροῦσαι τοῖς πέρασιν.

Анагноста, а храмъ раззоренію (см. Tafel. Thessalonica pag. 120, 121). По нѣкоторымъ намекамъ, и особенно по тому, что ниже говорится о недоступности Солуни для враговъ, отъ которыхъ пострадала родина Θεодора, можно думать, что житіе было составлено ранѣе 904 года, ранѣе взятія и раззоренія Солуни сарацинами. Въ такомъ случаѣ мощи святой открыты были вскорѣ послѣ ея смерти, и тогда же, вѣроятно, выстроены былъ и храмъ въ честь ея.

Краткій очеркъ біографіи, очень подробно изложенной, находится въ видѣ рекапитуляціи Fol. 151 verso. Θεодора родилась на островѣ Егинѣ и еще въ младенчествѣ лишилась матери. Семь лѣтъ отъ роду она была выдана отцомъ замужъ. Вслѣдствіе сарацинскаго нашествія, вмѣстѣ съ своимъ супругомъ и съ отцомъ, она оставила родину и переселилась въ слабую Θεσσαλονику (Солунь). На двадцать-пятомъ году жизни она лишилась мужа и поступила въ монастырь. Въ монашествѣ она подвизалась пятьдесятъ пять лѣтъ и скончалась на восьмидесятомъ году жизни, въ царствованіе Льва и Александра, въ шестой годъ ихъ самодержавнаго правленія, при святѣйшемъ Іоаннѣ, занимавшемъ тогда архіепископскій престолъ въ Θεσσαλονикѣ ¹⁾.

Отсюда видно, что Θεодора скончалась въ 892 году, ибо Левъ Мудрый вступилъ на престолъ въ 886 году, а родилась она восемьдесятъ лѣтъ ранѣе, то-есть, въ 812 году. Митрополитъ солунскій Іоаннъ, современникъ императора Льва, въ спискѣ іерарховъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, такъ какъ вообще за это время у Лекьена (Oriens christianus II, 45) существуетъ пробѣлъ. (См. впрочемъ ниже о надписи, въ которой онъ упомянутъ.)

О родинѣ святой, островѣ Егинѣ, и объ ея родителяхъ говорится въ началѣ житія слѣдующее:

¹⁾ Fol. 151 v. 'Ο δὲ τῆς ἐν σαρκὶ παροικίας αὐτῆς χρόνος καὶ βίος ἐστὶν οὗτος· γενέσθαι μὲν ἐν Αἰγίνῃ (sic) τῇ νήσῳ καὶ ἐκ σπαργάνων αὐτῶν τῆς μητρὸς ἀπεστέρηται· ἐπὶ δὲ ἐτῶν γενομένη ὑπὸ τοῦ πατρὸς ἀνδρὶ νομίμως μνηστεύεται· ἐκείθεν δὲ διὰ τὴν τῶν Σαρακηνῶν ἐφοδὸν μετανάστῃς μετὰ τοῦ συνοικοῦντος καὶ τοῦ πατρὸς ἐπὶ τὴν καθ' ἡμᾶς λαμπρὰν Θεσσαλονίκην ἐγένετο. τῷ δὲ εἰκοστῷ πέμπτῳ τῆς ἡλικίας αὐτῆς χρόνῳ ἔρμος τοῦ ἀνδρὸς διευχθεῖσα τῷ μοναστηρίῳ προσέφυγεν· ἐν ᾧ καὶ διετέλεσεν ἐν τῷ κοινοβίῳ καὶ ἀλλοῦσα ἐν σταδίῳ ἔτη πάντε καὶ πενήκοντα· τελευτᾷ δὲ τῷ ὀγδοηκοστῷ τῆς ἡλικίας αὐτῆς χρόνῳ ἐπὶ τῆς Θεοφρουρήτου βασιλείας Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου τῶν χριστιανικῶτάτων καὶ ὀρθοδόξων ἁγίων βασιλέων ἡμῶν· τῷ ἕκτῳ ἔτει τῆς αὐτοκρατορικῆς αὐτῶν Θεοσυνεργήτου βασιλείας, Ἰωάννου τοῦ ἀγιωτάτου ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς πόλει Θεσσαλονίκῃ τηλικαῦτα τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης ἐπικοσμοῦντος θ

„Отечествомъ преподобной былъ одинъ изъ острововъ Еллады, называемый Егиною; прежде онъ былъ славенъ въ земляхъ западныхъ, а теперь за вины, которыя вѣдаетъ Господь, захваченный разъ руками измаильтянъ, остается пустыннымъ и безславнымъ. На этомъ островѣ, нѣкогда знаменитомъ, теперь безславномъ — — — (я не стыжусь плѣненія родины)—родилась блаженная. Отецъ ея былъ Антоній, снискавшій себѣ великое имя; приобщенный къ клиру великой тамъ церкви, сдѣлавшись при ней протопресвитеромъ, незабвенный вступилъ въ монашескій чинъ“¹⁾.

Вмѣсто того у Кавасилы — похвала острову Египъ, обширности, славѣ и богатству острова, а равно добронравію, зажиточности обитателей, и ничего не говорится о бѣдствіяхъ его въ прежніи времена. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что фактъ опустошенія и временнаго занятія Егины измаильтянами или, что тоже, сарацинами почти совсѣмъ не извѣстенъ изъ другихъ источниковъ; о немъ не упоминается у византійскихъ историковъ и ни въ одной хроникѣ о немъ нѣтъ ни слова; кромѣ нашего житія, только еще въ двухъ такого же рода произведеніяхъ мимоходомъ указывается на это событіе. Въ житіи св. Луки Елладскаго, родившагося въ 890 году, говорится, что его предки выселились изъ Егины въ Елладу вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ агарянъ, и въ житіи св. Аванасіи Егинской разказывается, что мужъ ея былъ убитъ при набѣгѣ мавритянъ (Maurusii, Μαυροοσίων), то-есть, мусульманъ съ сѣвернаго берега Африки. (Послѣднее житіе напечатано въ латинскомъ переводѣ у Болландистовъ подъ 14-мъ августа, а первое подъ 7-мъ февраля, и сверхъ того, по гречески въ Патрологіи Миня т. СХI). Наиболее отчетливыя указанія, особенно въ хронологическомъ отношеніи, въ первый разъ являются въ житіи Θεодоры, хотя подробностей и въ немъ не особенно много.

Антоній, по смерти жены, тотчасъ ушелъ въ монастырь и постригся, а дочь отдалъ на попеченіе своей родственницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ крестной матери своей. Едва она вышла изъ дѣтскаго воз-

¹⁾ Fol. 128 v. Πατρὶς οὖν τῆς ὁσίας μία τῶν ὑπὸ τὴν Ἑλλάδα νήσων, Αἴγινα ὀνομαζομένη, ἣ πρώην περίφημος ἐν τῇ τῶν ἱσπερίων ἐτόχασε γῆ· ἣ καὶ ταῖς τῶν Ἰουδαίων, οἷς χρίμασι οἶδε Θεός, περιληφθεῖσα χερσίν, νῦν ἔρημός τε καὶ ἀδοξος καταλείπεται. Ἐν ταύτῃ νήσῳ τῇ ποτε μὲν ἐνδόξῃ, νυνὶ δὲ ἀδόξῃ — οὐ τῇ ἀλώσει τῆς πατρίδος αἰδοῦμαι — — ἣ μακαρία γεγένηται. Πατὴρ δὲ Ἀντωνίου ἐκεῖνος ὁ μέγα κληρωσάμενος ὄνομα — — τῷ κλήρῳ καταλειγμένος τῆς ἐκεῖσε ἀγιοτάτης ἐκκλησίας καὶ πρωτοπρεσβύτερος γεγονώς καὶ τοῦ μοναχικοῦ κατηξιώθη τάγματος ὁ ἀοίδιμος.

раста, какъ была сосватана за одного изъ знатныхъ мѣстныхъ жителей. Причиною ранняго замужества было съ одной стороны то, что отецъ хотѣлъ освободиться отъ всякихъ заботъ относительно выбора жениха и устройства мірской судьбы дочери, а съ другой стороны выдающіяся достоинства и таланты столь юной невѣсты обращали на нее общее вниманіе, потому что она знала священное писаніе и нѣкоторую часть псалтири ¹⁾. Супруги начали вести жизнь согласную и добродѣтельную.

„Но вотъ нападаетъ народъ сарацинскій, начинаетъ опустошать этотъ островъ, многихъ изъ жителей захватываетъ въ плѣнь, а нѣкоторыхъ избиваетъ остриемъ меча. Въ числѣ послѣднихъ находился и братъ блаженной, клирикъ, украсившійся уже званіемъ діакона; онъ былъ умерщвленъ сѣкирою, и лежащій его трупъ представлялъ печальное зрѣлище и для его рода, и для цѣлой родины, такъ какъ онъ всѣмъ былъ любезенъ. Мужъ блаженной, не вынося зрѣлища ежедневно угрожающей опасности неожиданнаго нашествія язычниковъ, обращается за добрымъ совѣтомъ къ своему тестю, и этотъ послѣдній посоветовалъ оставить родину. И вотъ они выселяются изъ отеческой земли и направляются въ нашъ знаменитый градъ. Прибывъ сюда, они ознакомились съ положеніемъ города, съ его безмятежною жизнію, узнали, что охраняемый послѣ Бога предстательствомъ своего защитника и покровителя, всехвальнаго мученика Димитрія, онъ является недоступнымъ для наступающихъ отовсюду напастей, и потому они рѣшились въ немъ основаться. У нихъ въ то время было трое дѣтей, изъ коихъ послѣднее, а затѣмъ и среднее дитя скоро разстались съ жизнію ²⁾.

¹⁾ Fol. 129 v. Οὕτω δὲ τὴν τῶν παιδῶν ἡλικίαν ἐκβᾶσα μνηστεύεται ἀνδρὶ τῶν κατὰ τὴν νῆσον ὑπερχόντων . . . ἐμεμαθήκει δὲ καὶ τὰ ἱερὰ γράμματα καὶ μέρος τι τῆς ψαλμοδοουμένης γραφῆς.

²⁾ Fol. 130. 'Αλλ' ἐπιβῆσαν τὸ τῶν Σαρακηνῶν ἔθνος τὴν νῆσον ἐκεῖνην καταληίσεσθαι ἤρξαντο καὶ κλειστός τῶν οἰκητόρων αἰχμαλώτους ἔλαβον, τινὰς δὲ καὶ φόνος (Cod. φθόνος) μαχαίρας ἀπέκτειναν. ἐν οἷς καὶ ὁ τῆς ὁσίας εὐρηγὰς ἀδελφός, κληρικὸς καὶ τῆ τοῦ διακόνου διαλάμπων τιμῆ, μαχαίρᾳ τεθανατωμένος· θέαμα ἕλεσινὸν τῷ γένει καὶ τῇ πατρίδι πάσῃ προκείμενος, ἐπειδὴ δὲ καὶ τοῖς πᾶσι ὑπῆρχεν αἰδέσιμος. Μὴ φέρον οὖν ὁ τῆς ὁσίας ἀνὴρ καθ' ἑκάστην ὁρᾶν τὴν ἀπροσοκῆτως ἐπιγινομένην τῇ πατρίδι ἐθνικὴν ἔφοδον, συμβούλῃ ἀγαθῇ τῷ καλῷ κέχρηται κηδεστῆ· ὁ δὲ τῆς ἐνεργαμένης ἀπαίρειν συνεβούλευσεν . . . καὶ δὴ μετανάστης τῆς πατρῆος γεγέννηται γῆς καὶ πρὸς τὴν περιφανῆ καὶ ἡμετέραν πόλιν ἐξώρμησεν. ἐν ἣ καὶ γενόμενοι τὴν τῆς πόλεως θέσιν τε καὶ κατάστασιν καὶ τὸ τῆς ζωῆς ἤρεμον θεασάμενοι καὶ ὅτι ταῖς μετὰ Θεοῦ προστασίαις τοῦ αὐτῆς κηδεμόνος καὶ πολιούχου τοῦ πανδέξου μάρτυρος

Феодора утѣшаетъ мужа и убѣждаетъ его согласиться на посвященіе остающейся дочери Богу.

Относительно хронологіи упоминаемыхъ здѣсь фактовъ, въ частности египскаго разоренія, слѣдуетъ сдѣлать такія замѣчанія. Нашествіе сарацинъ на Египту послѣдовало послѣ замужества Феодоры, которое приходится относить къ 819 или 820 году. Когда вслѣдствіе этого бѣдственнаго событія Феодора съ мужемъ переселилась въ Солунь, то у нея было или же вскорѣ образовалось семейство изъ троиухъ дѣтей. Отсюда можно вывести только такое заключеніе, что Егина подверглась нападенію и, по видимому, временному занятію почти одновременно съ островомъ Критомъ, который былъ на долго завоеванъ сарацинами, то-есть, испанскими (точнѣе андалузскими) арабами, именно въ 826 году. Изъ словъ нашего автора, приведенныхъ выше, мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ и до его времени, то-есть, до начала IX столѣтія, Егина оставалась совершенно пустыннымъ островомъ; если мы сопоставимъ это указаніе съ тѣмъ, что мы узнаемъ о состояніи другихъ острововъ Архипелага изъ послѣдующихъ частныхъ источниковъ—въ родѣ житія Теокисты Лесбійской, то мы получимъ очень печальную и мрачную картину, которая впрочемъ многое объясняетъ въ судьбахъ Византійской имперіи.

Просьбы Феодоры увѣнчались успѣхомъ, мужъ ея согласился съ ея желаніемъ посвятить дочь Богу. „Взявъ свое дитя, которому было тогда шесть лѣтъ, они достигли храма святаго всехвалянаго апостола и евангелиста Луки, расположеннаго при дорогѣ, ведущей къ Кассандреотикійскимъ воротамъ, и представляютъ свою дочь Екатерину, сестрѣ исповѣдника Антонія, бывшаго (впослѣдствіи) предстоятелемъ (то-есть, архіепископомъ или митрополитомъ) въ нашемъ городѣ; она приходилась сродницею и самой блаженной Феодорѣ. Тамъ обитала она (Екатерина) съ нѣкоторыми православными подвижниками; мѣсто это было оставлено въ небреженіи иконоборцами, можетъ быть, по причинѣ своей незначительности“ ¹⁾. Шестилѣт-

Δημητρίου διαφολατομένη ἐκ πάντων τῶν ἐπιτεθεμένων κακῶν ἀνάλωτος δείκνυται ὁ μὲν τῆς οὐσίας πατὴρ τῆς ἡσυχίας ἀντεχόμενος καὶ τὸ τῶν εἰκονοχαστῶν θεοστογῆς συνῆδριον μισαττόμενος — ἐπὶ τὰς ὑπὸ τὰ Θάρωπα (?) ἀνθρώποις ἀβάτου ἐρημίας ἀπέδραμε. Οἱ δὲ ἔκριναν ταύτην κατοικῆσαι τὴν πόλιν. Ἐγένοντο δὲ αὐτοῖς τρία τέκνα, ἐξ ὧν τὸ τε τῆς τελευταίας καὶ μέσης ὠδίνος θάττον τὸν βίον κατέλιπε.

¹⁾ Fol. 132. Καὶ δὴ ἐξ αὐτῆς τὴν παιδα βαστάσαντες—ἦν γὰρ χρόνων ἕξ—καὶ τὸ τοῦ ἁγίου πανεφεύημου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Λουκᾶ καταλαβόντες τέμενος, τὸ πρὸς τῆ

няя дочь Θεοδори была пострижена и получила имя Θεοπιστης. Замѣтимъ, что храма евангелиста Луки нѣтъ въ числѣ розысканныхъ Тафелемъ древнихъ церквей Солунскихъ и что Кассандреотикискія или Кассандрійскія ворота, упоминаемая также у Каменіаты (pag. 529), находились на восточной сторонѣ города, обращенной къ Константинополю (Tafel. Thessalonica, pag. 99, 100. Ср. Δημίτσα, Μαχεδονικά II 334 и сл. Χατζη Γωάννου, Ἀστυγραφία Θεσσαλ. 29, 31).

Далѣе слѣдуетъ въ нашемъ Житіи длинный вставочный эпизодъ объ Антоніѣ Исповѣдникѣ, епископѣ или митрополитѣ Солунскомъ (Fol. 132 v.—137 v.): его, очевидно, нужно отличать отъ Антонія, отца Θεοδори, такъ какъ послѣдній не достигъ столь высокаго сана; да притомъ, въ случаѣ тождества, не-зачѣмъ было бы говорить, что сестра Антонія Солунскаго приходилась сродни Θεοдорѣ, и слѣдовало бы прямо назвать ее теткою. Авторъ Житія хотѣлъ бы разказать о всѣхъ родственникахъ Θεοдори, о всѣхъ къ ней близкихъ, но это было бы слишкомъ длинно, поэтому онъ останавливается на одномъ Антоніѣ, „нашемъ архипастырѣ“, какъ онъ выражается. Такъ какъ списокъ солунскихъ митрополитовъ за подлежащій періодъ времени (то-есть, девятое столѣтіе) имѣетъ большой интересъ по своему отношенію къ разнымъ ученымъ вопросамъ византійской и славянской исторіи, то мы и должны остановиться на совершенно до сихъ поръ неизвѣстныхъ данныхъ объ этомъ Антоніѣ, никому до сихъ поръ неизнаемомъ. Антоній съ юности отличался благочестіемъ и любовью къ ученымъ занятіямъ, отдавалъ, впрочемъ, предпочтеніе духовной мудрости предъ вѣшней, свѣтскою. Онъ такъ прославился своими добродѣтелями и своими знаніями, что былъ поставленъ въ епископы города Диррахія (Драча). Когда затѣмъ вновь возникла на время угасшая и подавленная иконоборческая ересь, то Антоній явился ревностнымъ ея обличителемъ. Онъ не побоялся лично предстать предъ новымъ тиранномъ, то-есть, Львомъ Амалекитомъ (Армяниномъ, 813—820), и держалъ къ нему обличительную рѣчь, которая и приводится въ Житіи. За это поборникъ иконъ подвергся разнымъ истязаніямъ, слѣды которыхъ навсегда оставались на его лицѣ, и затѣмъ былъ осужденъ на изгнаніе, отправленъ въ ссылку. Когда Льва

λεωφόρος τῆ ἐκτὴν τὴν Κασσανδρεωτικὴν εἰσοῦσα πόλιν διακείμενον, προσφέρειοισιν Αἰκατερίνην τῆ Ἀυτωνίου τοῦ ὁμολογητοῦ ἀδελφῆ, τοῦ καὶ προέδρου τῆς ἡμῶν χρηματίσαντος κόλεως καὶ αὐτῆς συγγενοῦς χαριστοῦας τῆς μαχαρίας. ἐκεῖ γὰρ ἔχει μετὰ τινῶν ὀρθοδόξων ἀσχοσῶν. τάχα καὶ αὐτὸ ὑπὸ τῶν εἰκονοχαιστῶν καταφρονηθὲν διὰ σμικρότητα.

постигла достойная его злодѣяній участь и онъ лишился престола и жизни, то преемникъ его Михаилъ (Косноязычный, 820—829) возвратилъ преподобнаго изъ ссылки и велѣлъ ему смиренно жить дома; онъ сдѣлалъ это изъ уваженія къ твердости исповѣдника. Но сей послѣдній еще болѣе, чѣмъ прежде, ободрялъ и укрѣплялъ вѣрныхъ, совѣтуя имъ мужественно переносить испытаніе и предсказывая скорое торжество православія надъ злыми еретиками, имѣющими впасть въ яму, которую сами вскопали. Зачѣмъ много говорить? замѣчаетъ авторъ, указывая тѣмъ на пропускъ цѣлаго царствованія Θεοφιλα (829—842). Когда тяжелая зима миновала, ересь ослабѣла и проблеснула весна православія, то-есть, при началѣ, нужно думать, правленія Θεοδору, блаженный Антоній, по опредѣленію собора, возведенъ былъ на архіерейскій престолъ знаменитаго града Солунскаго, что было достойнымъ воздаяніемъ за всѣ его труды и подвиги. Вскорѣ затѣмъ онъ скончался 2-го ноября седьмаго индикта, слѣдовательно, въ 843 году ¹⁾).

¹⁾ Fol. 132 ν. 'Εβουλόμην ἐνταῦθα τοῦ λόγου γενόμενος πολλῶν τῶν τῆς μακαρίας Θεοδώρας προσεχῶν καὶ γένους ἀνωτάτου τοὺς βίους διεξελεθεῖν..... 'Ἐκεῖ δὲ περιττός εἶναι δόξω, ὡς πόρρω τοῦ προκειμένου ἐξίω, 'Αντωνίου μόνου τοῦ ἡμῶν ἀρχιεπίμενος ἐπιμνησθεῖς, αὐθις τὸν λόγον ἐκ' αὐτὴν καὶ εἰς τρέψομαι.—Οὗτος ὁ ἡμῶν ποιμενάρχης 'Αντώνιος τὰ ἱερά γράμματα νηπιόθεν μεμαθηκώς.....

Fol. 133 γ. 'Ἐντεῦθεν καὶ ψήφῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τοῦ Δυρραχίου καθίσταται.... οὕτω δὲ δὴ ἐπὶ τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀναβιβασθέντος τοῦ μακαρίου καὶ καλῶς—τὸ ποιμνιον διιθύνοντος, ἐξαίφνης ἡ μισαρὰ ἐκείνη καὶ ἀρτιφανῆς αἰρέσις, ὡσπερ φλόξ, ἀνερρηπίσθη πανχάλεπα..... ν. ἐπὶ τοῦ θηριονόμου καὶ θεομισήτου Λέοντος τοῦ 'Αμαληκίτου....

Fol. 134 τ. Τότε δὴ τῷ τοῦ τοῦ καὶ οὕτως προσήνεται ὁ 'Αντώνιος....

Περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως ἀντίρρησις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιεπισκόπου. Οὐχ ἐγώ, βασιλεῦ κ τ. κ. (речь Антонія занимаетъ нѣсколько страницъ (Fol. 134—136 ν.).

'Ἐτι δὲ καὶ μᾶλλον τούτου τὸν λόγον συναίρειν ἐθέλοντος, ὡς τὴν τῶν λόγων ἀμίλλαν οὐδὲν ὁ τύραννος ἀνούσασαν ὥσπερ ἤθελεν ἦσθετο ὄρων δὲ καὶ τὸν ἅγιον εἰεῖν ἐκείνον μᾶλλον κατεκειγόμενον ἤπερ ἑαυτὸν τόνδε χειρώσασθαι, εἰς ἔργα θάττον τὴν τῶν λόγων ἔμυναν ἔτρεψε, καὶ πλείονως αἰκίσας ἤ φέρειν ἐκείνο τὸ ἱερόν σαρκίον ἡδύνατο, τέλος ὑπερορίᾳ καταδικάζει διηνεκεῖ τὸν τρισόσιον. Καὶ ὁ μὲν λαμπρῶς ἐξῆι τοῦ σχάμματος λαμπρὰ τῆς νίκης ἐπὶ τοῦ προσώπου φέρων τὰ σύμβολα. Τοσοῦτον γὰρ αὐτὸν τοῖς ἐπικόρρ(ο)ις ῥαπίσμασιν ἀνηλεῶς ἔτυψαν, ὡς καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἔκτοτε λημῶν τι κεκτῆσθαι, τῇ ἀμετρίᾳ τῶν χρουσμάτων δεινῶς τῆς κεφαλῆς συνταραχθεῖσις τοῦ μάκαρος.

Περὶ τοῦ αὐτοῦ ὅτε ἐκλήρωσατο τὸν ἐν Θεσσαλονίκῃ ἀρχιερατικὸν θρόνον.

Fol. 137 ν. Σκαιὸν δὲ Λέοντος ἐκείνου τοῦ θηριονόμου βαρβάρου οἰσαντος μόνον.

Къ этимъ, вновь открывающимся даннымъ, мы должны присоединить еще слѣдующія замѣчанія, имѣющія цѣлью дальнѣйшія исправленія въ спискѣ солунскихъ іерарховъ первой половины IX-го вѣка, какъ онъ былъ устанавленъ Леженомъ (*Le Quien. Oriens christianus, t. II, pag. 43—45*). Въ началѣ столѣтія, при Никифорѣ I, солунскимъ митрополитомъ былъ братъ Теодора Студита, Іосифъ, въ 808 году низложенный по причинѣ столкновения съ царемъ и патриархомъ изъ-за вопроса о принятіи въ церковное общеніе духовнаго лица, совершившаго неправильно обрядъ вѣнчанія надъ прежнимъ царемъ, Константиномъ, послѣ непризнаннаго церковью развода съ первою женой. Кто былъ избранъ на его мѣсто, да и была ли вообще его кафедра замѣщена другимъ лицомъ, мы не знаемъ, потому что, къ сожалѣнію, не имѣемъ подробнаго житія Іосифа. Въ проложныхъ житіяхъ Іосифъ снова является на сцену въ архіерейскомъ санѣ уже при царѣ Теофилѣ (829 — 842). Затѣмъ мы имѣемъ извѣстіе о возведеніи на солунскій архіерейскій престолъ тѣмъ же Теофиломъ знаменитаго, ученаго тогдашняго времени Льва Мудраго (*Leo Grammatic. pag. 225 ed. Bonn.; Theophan. continuat. pag. 185; Georg. Hamartol. ed. Muralt, pag. 713; Cedren II, 166, 170*). По прямому указанію продолжателя Теофанова и Кедрина, Левъ былъ рукоположенъ по царскому требованію тогдашнимъ еретическимъ цареградскимъ патриархомъ Іанномъ (*Ιάννης*), которому онъ приходился племянникомъ (*ἀνεψιός*). Самъ Іаннъ или Іоаннъ былъ возведенъ на патриаршество въ 837 году (*Hamartol. pag. 707*), и оставался на своей кафедрѣ шесть лѣтъ и одинъ мѣсяцъ (*Theophan. chronogr. ed. de Boog I, pag. 362*), то-есть, какъ-разъ до смерти Теофила, до восстановления православія, до возведенія на солунскую кафедру Антонія. По другому указанію въ хроникѣ Симеона магистра (*pag. 640 ed. Bonn.*) и Левъ философъ былъ низложенъ и лишенъ своей Солунской кафедры православнымъ патриархомъ Меодиѣмъ (*καθαρευθείς* — един-

ὁ τοῦτου τὴν βασιλείαν διαδεξάμενος Μιχαὴλ ἐκ τῆς ὑπερορίας τὸν θεῖον μεταπέμπεται, οἱκοὶ μένειν ἐγκλεισάμενος ἤρεμον· αἰδεῖτο γὰρ αὐτοῦ τὸ εὐσταθὲς καὶ αἰδέσιμον. Ὁ δὲ γε μᾶλλον ἢ πρότερον τοὺς πιστοὺς ἐπιστήριζεν... Καὶ τί δὴ πολλὰ λέγω; τοῦ (*Fol. 137 v.*) τῆς αἰρέσεως δεινοῦ χειμῶνος λωφῆσαντος καὶ τοῦ τῆς ἀνωμότητος τῶν ὀρθοδόξων πίστεως ἔαρος ἀναλάψαντος, ὁ τρισμακάριος οὗτος Ἀντώνιος τῆς καθ' ἡμᾶς τῶν Θεσσαλονικέων περιφανεστάτης πόλεως ψήφῳ συνοδικῇ τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἐδέξατο, τῶν ἑαυτοῦ μεγίστων πόνων καὶ τῆς ἱεράς καὶ αἰδεσίμου ἀβραμιαίας πολιτείας ἄξιον γέρας τὴν τοῦ θρόνου περιφάνειαν κληροσάμενος. Ἐν ᾧ καὶ μικρὸν ὄσον ἐπιβιώσας τάχειον πρὸς τὸν Κύριον ἀπαδέμησεν τῇ δευτέρᾳ τοῦ Νοεμβρίου τῆς Ζ Ν (ἑβδόμης ἰνδικτικῶνος).

ственно возможное чтеніе). — Значить, онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Антонія. Очевидно, что при такомъ порядкѣ и такихъ хронологическихъ данныхъ, не остается никакого мѣста для еретика Іоанна, который у Лекьена тоже значится въ спискѣ солунскихъ митрополитовъ — послѣ Іосифа и раіѣ Льва Мудраго, а у иныхъ русскихъ изслѣдователей помѣщался послѣ Льва. Нужно сказать по правдѣ, что этотъ еретикъ Іоаннъ фигурировалъ въ новыхъ ученыхъ розысканіяхъ въ сомнительномъ качествѣ солунскаго митрополита совершенно напрасно. Съ нѣкоторыми, правда, оговорками наши ученые припоминали его по поводу солунской легенды о св. Кириллѣ, въ самомъ началѣ которой тоже стоитъ имя Іоанна, солунскаго митрополита. Но о какомъ-либо тождествѣ сего послѣдняго съ еретикомъ Іоанномъ тѣмъ менѣе можно было заводить рѣчь, что Лекьеневъ митрополитъ Іоаннъ есть фантомъ, явившійся на Божій свѣтъ только благодаря довольно грубому недоразумѣнію Лекьена. Лекьенъ не понималъ, что слова Комбефиза, на котораго онъ ссылается, относятся не къ дядѣ, а къ племяннику, не къ Іоанну или Іанну, а ко Льву. *Erat ille (то-есть, Leo Sapiens) Ioannis nepos (=ἱεράδαφος Simeonis Magistri, ἀναφίος Cedreni), cujus institui potuit secretiori doctrina, ipsique magistro in ea praecellere. Fuit deinde (scilicet—Leo Sapiens, nepos) archiepiscopus thessalonicensis.* Кто былъ преемникомъ Антонія, скончавшагося въ 843-мъ году, и на это есть указанія. Въ житіи патриарха Игнатія, принадлежащемъ Никитѣ Пафлагонскому, говорится о митрополитѣ Солунскомъ Василіѣ, который былъ переведенъ на эту кафедру изъ Крита вслѣдствіе нашествія Агарянъ (*Migne. Patrol. graec. CV, 529*); онъ къ стыду патриарха Фотія, выступилъ обвинителемъ позорнаго поведенія царя Михаила и не смотря на свою глубокую старость подвергся страшнымъ истязаніямъ: это относится къ событіямъ 865-го года (см. *Mugalt, Chronogr. I, 441*; гдѣ вмѣсто Василія ошибочно названъ Михайлъ). Думаемъ, что Василій былъ непосредственнымъ преемникомъ Антонія, ибо подѣ нашествіемъ Арабовъ на Критъ здѣсь должно разумѣться окончательное занятіе ими острова, совершившееся именно въ 843-мъ году. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлался митрополитомъ Солунскимъ раіѣ 865-го года и былъ настоящимъ современникомъ Кирилла и Меодія. Припомнимъ, что выше въ томъ же житіи Осодора мы встрѣтили и подлиннаго Іоанна, относящагося, правда, къ болѣе позднему времени, но тоже доселѣ остававшагося неизвѣстнымъ. Кромѣ нашего источника о митрополитѣ Іоаннѣ, современникѣ царей Льва и Але-

ксандра говорятъ еще одна надпись, впервые приведенная мѣстнымъ ученымъ Хаджи-Іоанномъ въ Астиграфіи Θεσσαλονίκης (стр. 17, 18). Надпись относится къ возобновленію приморскихъ стѣнъ Солунии и гласитъ слѣдующее: „Была обновлена при Львѣ и Александрѣ его братѣ, самодержавномъ и христіюлюбивомъ царѣ нашемъ и при Николаѣ вселенскомъ нашемъ патріархѣ. Была обновлена при Львѣ Хитцилакѣ, царскомъ протоспафаріѣ и стратигѣ Θεσσαλονίκης и при Іоаннѣ, архіепископѣ Θεσσαλονίκης“¹⁾.

Видѣтъ съ авторомъ житія возвращаемся къ Θεодорѣ и дальнѣйшимъ ея судьбамъ. По смерти мужа, и сама она рѣшилась постричься въ монашество (Fol. 138). „Она почла нужнымъ прибѣгнуть къ сродницѣ своей Аннѣ. Эта Анна за честь воздаваемую Богу и за чистѣйшее поклоненіе святымъ иконамъ подвизалась подвигомъ добрымъ (вынесла добрый подвигъ) исповѣдничества, такъ какъ ее не мало огорчалъ одинъ оруженосецъ тиранна, котораго называли Хирсофактомъ. Θεодора пришла въ монастырь, которымъ теперь управляла ея сродница, носившій имя первомученика Стефана; она имѣла съ собою сто золотыхъ чеканныхъ монетъ, а послѣ своего постриженія, трехъ своихъ служапокъ и все прочее имущество пожертвовала обителю“²⁾. Монастырь св. Стефана изъ другихъ источниковъ намъ не былъ извѣстенъ.

Далѣе идетъ рѣчь о ея подвигахъ, объ искушеніяхъ, воздвигаемыхъ противъ нея дьяволомъ, нечистыми помыслами, пѣжностью къ дочери, находившейся въ томъ же монастырѣ, и осужденной переносить суровый и строгій образъ жизни, довольствоваться скуднымъ питаніемъ и рубищемъ вмѣсто одежды. Когда, вопреки запрещенію настоятельницы Анны, Θεодора встрѣтилась съ своею дочерью и вступила въ бесѣду, то на нее наложена была эпитимія—никогда не говорить съ нею ни слова: пятнадцать лѣтъ она выдержала это послушаніе, пока ее не постигла тяжелая болѣзнь.

¹⁾ Надпись состоитъ изъ двухъ строкъ; приводимъ въ подлинникѣ вторую: (патриάρχου). ἀνακενίσθη ἐπὶ Λέοντος βασιλικοῦ πρωτοσπαφάρου καὶ στρατηγῶ (συ) Θεσσαλονίκης τοῦ Χιτζιλάκη καὶ Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ ἐντοπίου.

²⁾ Fol 138. Καὶ ἔγνωκε δεῖν τῇ πολυμνήτῃ προσφυεῖν Ἀννῇ, τῇ αὐτῆς συγγενίδι, ἥτις διὰ τὴν εἰς Θεὸν τιμὴν καὶ καθαρωτάτην τῶν σεπτῶν εἰκόνων προσκύνησιν τὸν τῆς ὁμολογίας καλὸν ἀγῶνα ἠγωνίστα, δορυφόρου τινὸς τοῦ τυραννοῦντος οὐ μικρὸν αὐτὴν ἀνίσταστος, ὃν καὶ Χειροσφάκην (sic) ὠνόμαζον. Καὶ δὴ ἐξ αὐτῆς καταλαμβάνει τὸ εὐαγὲς μοναστήριον τοῦ—πρωτομάρτυρος Στεφάνου ἐπιφερομένη ἑκὰτον ἐν χαράγματι χρυσοῦς μετὰ τὸ ἀποκαρῆναι, καὶ τρεῖς θεραπευίδας καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν κτῆσιν προσεκύρωσεν μοναστηρίῳ.

На восьмидесятомъ году жизни, въ мѣсяцѣ августѣ, Теодора заболѣла ¹⁾; на пятый день болѣзни она приобщилась Святыхъ Таинъ, дала послѣднее наставленіе Теописѣ; къ прощанію съ умирающей послѣдшилъ и одинъ ея знакомый, Дмитрій, получившій притомъ исцѣленіе отъ своей, девять мѣсяцевъ продолжавшейся, болѣзни.

Въ самый день своей кончины, около шестаго часу, преподобная была предана погребенію въ гробницѣ сподвижницъ своихъ, руками іереевъ и отцевъ. Днемъ ея разлуки съ тѣломъ было 29-е августа мѣсяца, и годъ отъ сотворенія міра былъ тогда 6400 ²⁾.

Какъ обыкновенно, за кончиною, ознаменованною чудомъ, слѣдуетъ повѣствованіе о посмертныхъ чудесахъ преподобной; писатель житія самъ былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ чудесъ; большею частью они состояли въ исцѣленіи отъ болѣзней посредствомъ масла, истекавшаго изъ иконы, изображавшей святую и скоро послѣ ея смерти поставленной во храмѣ; поэтому и сама святая называлась мироточивою, подобно Дмитрію великомученику (у Іоанна Анагпоста см. Tafel. Thessal. p. 120). Упоминается, между прочимъ, исцѣленіе жены нѣкоего знатнаго вельможи Евеміа, занимавшаго должность стратига въ Седмивратныхъ Θивахъ (то-есть, стратига Еллады): она послала вѣрнаго своего слугу съ письмомъ къ настоятелюницѣ монастыря, прося о прислугѣ ея, источника иконой, и, получивъ просимое, помазала свое тѣло и избавилась отъ всѣхъ недуговъ, которыми страдала ³⁾.

Слѣдующее сказаніе относится къ Солуни, къ нашему знаменитому великограду⁴⁾, какъ выражается авторъ. Въ одномъ изъ близкихъ къ нему селеній, Миріофитѣ, былъ человекъ, по имени Ильа, по своему происхожденію принадлежавшій къ амаликитамъ, приверженный къ иконоборческой ереси; много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ

¹⁾ Fol. 156 v. τῆ δὲ ὀγδοηκοστῆ χρόνῳ ἡ μακαρία Θεοδώρα περὶ τὸν Αὐγούστου μῆνα ἐνόσησεν ἡμέρας εἴ...

²⁾ Fol. 151. Περί δὲ ὧραν ἕκτην τῆς αὐτῆς ἡμέρας ἐνόσῃς χερσὶν ἱερέων τε καὶ πατέρων ἢ ὅσια τῆ τάφῳ τῶν συνασκουσῶν παρεδόθη. ἡ μὲντοι τῆς ἐκ τοῦ σώματος αὐτῆς ἐκδημίας ἡμέρα γέγονε κατὰ τὴν ΚΘ' τοῦ Αὐγούστου μηνός, ἔτους ἀπὸ τῆς τοῦ παντός κόσμου κτίσεως, ἐξ οὗ ἄρτι περ χρόνος εἴληφε ἀρχήν, τῆ τοῦ ἡλίου μετριθεῖα (sic) φορᾶ τετρακοσιοστοῦ καὶ ἑξακισχιλίαςτοῦ....

³⁾ Fol. 160. Γυνὴ τις τῶν ἐπιφανῶν καὶ τιμῶν ἀκούσασα, Εὐθυμίου σύνευνο; τοῦ στρατηγέτου ἐν ταῖς ἑπταπόλοις Θήβαις.

⁴⁾ Διὰ πιστοτάτου οἰκέτου γράμμασι παρακλητικοῖς πρὸς τὴν τῆς μονῆς προσετώσαν χρῆσαμένη, ἐκ τοῦ ἀναβλύζοντος ἁγίου ἐλαίου ἠτήσατο....

трудилось надъ обращеніемъ его, чтобы онъ проклялъ нечестивое безуміе и призналъ православную христіанскую вѣру, но не могли склонить его упорнаго разума. Когда же онъ прибылъ въ городъ, то одинъ изъ вѣрныхъ, Θεодотъ именемъ, пригласилъ его къ иконѣ Θεодоры; увидѣвъ чудо, обычно при ней совершавшееся, онъ увѣровалъ вообще въ иконы, и обратился ¹⁾. Здѣсь подъ амалигитами нужно разумѣть армянь; въ XII вѣкѣ армяне вмѣстѣ съ евреями населяли два предмѣстія Солуны, какъ это мы знаемъ изъ Евстаѳіа (*De Thessalonica a Latinis scripta* с. 13. *Eustath. Opusc. pag. 298*). Селеніе Миріофитъ не извѣстно.

№ 16.

Послѣ житія Θεодоры, въ Сборникѣ слѣдуетъ извѣстное сказаніе о дѣяніяхъ Іоанна Евангелиста, приписываемое его ученику Прохору, одному изъ семи первыхъ діаконовъ. Заглавіе сказанія слѣдующее:

Fol. 165. Προχώρος ἐνὸς τῶν ἐπτά διακόνων μαθητοῦ γεγονότος Ἰωάννου τοῦ θεολόγου περὶ τῶν αὐτοῦ θαυμάτων καὶ τοῦ κηρύγματος συγγραφεῖς τῆ τοῦ εὐαγγελίου καὶ τῆς αὐτοῦ μεταστάσεως.

У Маттеи сказано, что заглавіе изглажено, *deleta est*. Архимандритъ Амфилохій въ своемъ изданіи Хожденія апостола Іоанна (текстъ славяно-русскій и греческій по Синодальной рукописи № 162, 1022 года), сообщившій варианты апокрифа по нашей рукописи, важной своею сравнительною древностію, ничего не сказалъ о заглавіи, но оно существуетъ, и хотя красныя чернила поблѣднѣли, но всетаки есть возможность прочесть нужное безъ особаго затрудненія, исключая того, что, какъ обыкновенно въ заглавіяхъ, слова писаны пязью и многое подъ титломъ. Изданія архимандрита Амфилохія составляетъ XXXI выпускъ сборника Общества древней письменности (1879 г.). *Ср. Zahn. Acta Ioannis Erlangen. 1880.*

№ 17.

Похвала святому отцу нашему Фотію Θεσσαλίскому. Fol. 196 t.:
Ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον πατέρα ἡμῶν Φώτιον τῶν Θεσσαλῶν. Начало:
Ἰουφλημα μὲν εἶναι τοῖς εὐσεβέσιν.

¹⁾ Fol. 161. Ἐν ταῖς ὑπὸ τὴν ἡμῶν περιφανῆ μεγαλόπολιν τελοῦσαις κόμαις ἔστι λεγομένη Μυριόφυτος. Ἐν ταύτῃ ἦν ἀνὴρ τοῦνομα Ἑλίας ἐκ τοῦ τῶν Ἀμαληκίων ὑπάρχων αἵματος καὶ τῆ τῶν εἰκονοκαστῶν αἵρέσει ἐκ προγόνων προσηλόμενος· ὄν κλειστοὶ μὲν ἱερεῖς τε καὶ λαϊκοὶ ἠνάγκασαν τὴν δυσσεβῆ ἀναθεματίσαι μανίαν καὶ τῆ ὀρθοδόξου τῶν χριστιανῶν προσκυρωθήσεται (leg. προσκυρωθῆναι) πίστει, καὶ οὐκ ἠδυνήθησαν τὸν αὐτοῦ κάμψαι λογισμόν....

„Долгъ благочестивыхъ—почитать своими даропринесеніями святыхъ, сказалъ бы кто-нибудь, умѣющій справедливо судить о дѣлахъ“ и т. д. ¹⁾).

Какъ предисловіе, такъ и самый разказъ о дѣяніяхъ святаго, изложены весьма длинно и многословно, въ обычномъ стилѣ похвалъ, безъ особеннаго искусства, но также и съ умѣренными притязаніями на краснорѣчіе и ученость. Прибавимъ, что авторъ обнаруживаетъ и плохое знаніе исторіи не слишкомъ отдаленнаго прошлаго, называя Романа II, отца Василя Болгаробойцы, Лакапиномъ, то есть, смѣшивая его съ Романомъ I. Подобно Θεοδορῷ, и Φοτίῳ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ спеціально Солуни, есть мѣстный угодникъ; потому самому онъ не оставилъ послѣ себя долгой памяти въ обще-церковныхъ книгахъ (минейхъ); житіе его въ рукописяхъ встрѣчается весьма рѣдко и доселѣ оставалось не изданнымъ и даже совсѣмъ неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, Φοτίῳ Солунскому въ составленной неизвѣстнымъ авторомъ похвалѣ приписывается важная роль не только духовная или церковная, но и политическая.

„Родиною, произведшею Φοτία, была знаменитая Θεσσαλία, эта почтенная почва, которая не питаетъ теперь благородныхъ, воинственныхъ юношей и не хвалится болѣе армянскими (быстрыми) конями... и т. д. А родители его были не темные какіе-нибудь люди и не менитые или безславные, но имѣвшіе именитое и почетное положеніе и во всѣхъ отношеніяхъ первенствовавшіе между оессалийцами“ ²⁾). Съ юности обнаруживъ склонность къ черноризцамъ, Φοτίῳ сдѣлался монахомъ и знаменитымъ подвижникомъ. „Природа добра была единственнымъ предметомъ его созерцанія; онъ безкорыстно занимался одною только добродѣтелью, какъ поистинѣ сынъ Божій, стремящійся чрезъ нее къ обожествленію.—Это продолжалось и во время пребыванія въ Θεσσαλονικίῃ, столицей во главѣ оессалийскихъ городовъ, а лучше сказать, расположенной посреди ихъ, и, какъ царица, окруженной съ обѣихъ сторонъ свитою (дориносимой) ихъ (городовъ): на востокѣ Амфиполеμъ и строемъ вмѣстѣ лежащихъ

¹⁾ Fol. 196. Ὁφλημα μὲν εἶναι τοῖς εὐσεβέσιον ὡστε ταῖς παρ' ἑαυτῶν δωροφορίας τοῖς ἁγίοις τιμᾶν, φήσκειν ἂν τις, ὀρθῶς εἰδὼς κρίνειν τὰ πράγματα.

²⁾ Fol. 197. Τοῦτον ἠνέγκατο μὲν πατρίς ἡ περιβόητος Θεσσαλία, τὸ σεμνὸν τοῦτο ἔδαφος, τὸ κοῦρος μὲν οὐ γενναίους οὐδ' ἀρμαγανίους νυνὶ τρίφον, οὐδ' ἴππους ἀρμενίους αὐχοῦν... Γεννήτορες δ' ἔφουσαν οὐκ ἄδοξοί τινες οὐδ' ἀνώνομοι, ἀλλὰ πολὺ τὸ περιώνυμον καὶ περιδοξὸν ἔχοντες καὶ τὰ πρῶτα τῶν Θεσσαλῶν ὄντες ἐν ἅπασιν.

македонскихъ поселеній, на западѣ — Пидною, Потидеєю и всѣми другими городами даже до Еллиспонтскихъ (Геллеспонтскихъ): всѣ они прежде пользовались благосостояніемъ, а теперь находятся въ упадкѣ. Итакъ здѣсь, внутри Солуни, онъ поселился въ одной небольшой обители, расположенной вверху около Акрополя и достаточно удаленной отъ сношеній съ горожанами, построенной во имя святыхъ безсребренныхъ врачей Космы и Даміана. (И объ этомъ храмѣ мы не находимъ никакихъ свѣдѣній ни у Тафеля, ни въ новѣйшей греческой топографіи Солуни). Встрѣтивши тутъ подвижника Власія, онъ поступилъ подъ его начало ¹⁾.

„Когда уже пришлось упомануть о Власіѣ и его добродѣтели, то было бы неприлично пройти мимо его молча и оставить любопытныхъ людей въ недоумѣніи, какой это былъ мужъ. Имѣвшій тогда въ своихъ рукахъ скипетръ власти надъ ромеями, Романъ—его имя, и Лакапницъ—его прованіе, питая достохвальное уваженіе къ обычаю духовнаго усмысленія, нашелъ его достойнымъ, чтобы избрать въ отцы... ²⁾. Его долго искали, и когда наконецъ нашли, и онъ явился во дворецъ, то онъ поразилъ душу царя большимъ удивленіемъ, такъ какъ самая наружность свидѣтельствовала объ его необыкновенномъ подвижничествѣ... Итакъ, самъ царь избралъ его себѣ въ отца, что гораздо почетнѣе тѣлеснаго рожденія; и какое онъ питалъ къ нему уваженіе, трудно даже выразить словами. Слѣдуетъ разказать объ одномъ случаѣ, который громко засвидѣтельствовалъ святость мужа (Власія) и еще укрѣпилъ сыновнее на-

¹⁾ Fol. 200. "Ὅσα πρὸς μόνην ἑώρα τὴν τοῦ καλοῦ φύσιν καὶ ἀκατήλευτος μετῆι τὴν ἀρετὴν, ὡς Θεοῦ τέκνον ὄντως καὶ πρὸς τὴν διὰ ταύτης σκευδῶν ἀρίστα θέωσιν. ἀμέλει καὶ Θεσσαλονίκης ἔνδον τῆς προκαθεζομένης τῶν θεαταλικῶν φημί πόλεων μᾶλλον δὲ τῆς μέσον διαχειμένης καὶ οἶον δορυφορουμένης ὡς βασιλίδος ταῖς ἐκατέρωθεν πόλεσι· πρὸς μὲν ἀνίσχοντα τὸν ἥλιον Ἀμφιπόλει τε καὶ ταῖς στοιχηθὸν συγχειμέναις μακεδονίαι, πρὸς δὲ δύνοντα, Πύδνῃ καὶ Ποτιδαίᾳ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀπάσαις μέχρι τῶν Ἑλλησποντίδων, αἱ νῦν ἀντ' εὐκλειῶν κατέστησαν δυστυχεῖς. ταύτης οὖν ἔνδον ἐν τινι βραχυτάτῃ σμυναίῃ γεγονώς, ἄνω που περὶ τὴν ἀκρόπολιν ὄντι, καὶ ἱκανῶς τῆς τῶν πολιτῶν ἐπιμειξία; κεχωρισμένῃ, ἐπ' ὀνόματι τῶν ἁγίων ἀναργύρων ἱατρῶν Κοσμά τε καὶ Δαμιανοῦ δεδομημένῃ· ἐνταυτοχῶς τε Βλασίῳ τῷ ἀσκητῇ — — τούτῳ φέρων ὑπέταξε αὐτόν.

²⁾ Fol. 201 v. Ἐπειδὴ δὲ τοῦ ἱεροῦ Βλασίου καὶ τῆς κατ' αὐτὸν ἀρετῆς ἐμνησθημεν, οὐκ ἄξιον ἤσυχῇ τὸν ἄνδρα παρεληλυθῆναι καὶ ἀμφιγνοεῖσθαι τοῦτον ἴσασι τοῖς εἰδέναισι βουλομένοις, ὅποιός τις οὗτος ἐτύχανε. Ὁ κατ' ἐκείνου καιροῦ τὰ εὐκλήπτερα τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς διέπων Ῥωμανὸς τούτῳ κλήσει, Λακαπηνὸς δὲ τὸ ἐκώνωμον· υἱοθεσίας πνευματικῆς οὐκ ἀγεννῆ δεξιόμενος ἔρωτα, εἰρήναι τὸν τῆσδε τῆς πατρότητος ἄξιον...

строение царя. Едва царица освободилась отъ мукъ беременности и даровала царю младенца мужскаго пола, то царь отъ радости былъ какъ бы самъ не свой, получивъ въ новорожденномъ преемника рода и вмѣстѣ наследника свѣтлой порфиры. Онъ старался, чтобы тѣлесное рождение его было обставлено самымъ пышнымъ образомъ, а также, чтобы и обрядъ пакибытія (крещенія) совершился какъ можно величественнѣе. Онъ и знать не хотѣлъ, чтобы онъ (то-есть, обрядъ крещенія) совершилъ кто-нибудь другой, помимо блаженнаго Власія¹⁾. И вотъ вызываютъ къ крестинамъ святаго; онъ приступилъ, радуясь, ко священной купели, совершилъ надъ младенцемъ спасительное таинство и, руководимый силою прозрѣнія, нарекъ ему имя Власія, предзнаменуя этимъ названіемъ имѣющее при немъ послѣдовать усиленіе царской власти и долговременное или пожизненное пребываніе его въ царственномъ санѣ. Тогда же и Фотій, сопровождавшій своего учителя, хотя и противъ воли, выведенъ былъ на сцену самимъ Богомъ. Божественный Власій, взявшись за одежду царя, сказалъ: я окрестилъ младенца, а теперь крещенный вотъ этимъ—указавъ на Фотія—долженъ быть обнесенъ кругомъ. И вотъ младенецъ съ радостью былъ положенъ въ божественныя его руки, и при пѣніи священныхъ гимновъ, имъ отнесенъ въ дворцовую комнату²⁾.

¹⁾ Καὶ μετὰ κλητος οὗτος εὐθύς, κάπειδὴ παρὴν — — — τὴν βασιλικὴν ψυχὴν τῷ καθ' αὐτὸν ἐξέστησε θαύματι. Fol. 202. Ἐνθεν τοι καὶ εἰς πατέρα τοῦτον ὁ βασιλεὺς προλαμβάνεται πολλῶν τοῦ σαρκικῶς αὐτὸν γεγεννηκότος αἰδεσιμώτερον. Καὶ δι' ὅσης ἦγεν αἰδοῦς, οὐδ' ἂν εἰπεῖν τις ἰσχύσειεν. Ἄλλ' ὁ μάλιστα καὶ τὴν τοῦ ἀνδρὸς ἀγιωσύνην τρανότερον ἀνεκέρουσε καὶ τὴν τοῦ βασιλέως υἰοπρεπῆ διάθεσιν ἐβεβαίωσεν, ἐκεῖνο διηγητέον. Ἄρτι τῶν ὠδίνων τῆς ἀνάσσης ἀπολυθείσης καὶ παιδοῦς ἄρρενος ἀποτεχθέντος τῷ βασιλεῖ, οὐκ εἶχεν ὑφ' ἡδονῆς οὗτος ὅ, τι καὶ γένοιτο, διάδοχον εὐτυχῆσας παῖδα τοῦ τε γένους καὶ τῆς λαμπρᾶς πορφυρίδος. Ἐζήτει δὲ τὸν γεννηθέντα λαβεῖν ὡσπερ τὰ τῆς σωματικῆς γεννήσεως λαμπρότερα πάντων, οὕτω δὲ καὶ τὰ τῆς καλιγγενεσίας μεγαλοπρεπέστερα..... Ταύτην δὲ γενέσθαι δι' ἑτέρου πλὴν τοῦ θεοπεσίου Βλασίου ἀπείρητο...

²⁾ Καὶ πρὸς τὸ βάπτισμα τοῦτο προκαλοῦνται τὸν ἅγιον· καὶ ὡς πρὸς τὴν ἱεράν ἔχε κολυμβήθραν ἀγαλλιῶμενος καὶ τὴν σωτήριον τελετὴν τελείας τῷ τελομένῳ παιδί Βασιλείον ἐκ διορατικῆς αὐτῷ τούνομα δυνάμειος ἔθετο, τὴν τε παρὰ τούτου τῷ βασιλείῳ κράτει δυναστείαν γενησομένην καὶ τὴν χρονίαν ἢ καὶ μέχρις τέλους αὐτῷ πρὸς τὴν βασιλείαν ἐπιμονὴν διὰ τῆσδε προσημάνας κλήσεως. Ὅτε δὲ καὶ Φώτιος οὗτος ὁ πᾶν τῷ καθηγητῇ συμπαρὼν εἰς μέσον ἤγετο ἄκων ὑπὸ Θεοῦ· τῆς γάρ τοι διπλοῖδος τοῦ βασιλέως ὁ θεὸς ἐπιλαβόμενος Βλάσιος· ἐγὼ μὲν, ἔφη, τὸ παιδίον ἐβάπτισα· δεῖ δὲ περιχαρῆσαι βασταχθῆν ὑπὸ τούτου τὸ λοιπὸν, δείξας τὸν Φώτιον..... Καὶ μέντοι καὶ ταῖς θεαῖς τούτου χερσὶ περιχαρῶς ἐντίθεται τὸ βρεφύλλιον καὶ πρὸς τὸν κοίτην νισκὸν σὺν ἱεραῖς ὕμνωδαις ἀπάγεται.

„А онѣй блаженный Власій возвратился опять въ Фессалонику, и, побуждаемый любовью къ уединенію (къ молчанію), пришелъ въ окрестности одного холма, называемаго у туземцевъ Хортаитомъ; здѣсь, укрывшись въ пещерѣ при его каменной и сухой подошвѣ, онъ сталъ снова подвигаться подвигомъ добрымъ“¹⁾.

Холмъ или гора Хортаитъ (по турецки теперь Hortalasch), на склонахъ которой къ заливу Фермейскому и построена Солунъ, очень хорошо извѣстна по описаніямъ новѣйшихъ путешественниковъ (см. у Тафеля, Thessalonica pag. 251 и сл.); о ней говоритъ и Каменіата, не приводя, впрочемъ, названія. У позднѣйшихъ византійскихъ писателей часто упоминается въ окрестностяхъ Солуни и монастырь Хортаита (мѣста см. у Тафеля); во время Фотія его, по видимому, еще не существовало.

Слѣдуетъ затѣмъ любопытный эпизодъ, относящійся къ царствованію Василія II и къ періоду его сорокалѣтней борьбы съ болгарями.

„Народъ мисовъ (болгары) возсталъ противъ ромѣйской власти. Вся Фессалія и земля долопская подвергались его набѣгамъ, онъ причинялъ много заботъ царю авзоновъ. Нельзя было вывозить доходовъ ко двору, и не возможно было безъ большой опасности пуститься туда въ путь кому-нибудь изъ его племени; всѣ попадались въ плѣнь и были либо безъ милосердія посягаемы мечемъ, либо отводимы въ рабство — согласно съ обычаями войны, отрицающей единоплеменность и восстанавливающей родственныи народъ противъ родственнаго. Царь, считая по справедливости такое положеніе невыносимымъ, собралъ тѣмъ всадниковъ, тѣмъ пѣшихъ воиновъ, и началъ сильную и смѣлую борьбу, окруженный избраннымъ отрядомъ. — Произошла жестокая битва; царь, вышедшій противъ болгаръ со всѣми силами, не устоялъ противъ варварскаго строя, и это повторилось много разъ. Когда онъ пришелъ въ совершенное замѣшательство и не способенъ былъ противостоятъ врагамъ, онъ сталъ искать себѣ другой помощи, другаго союза, по истинѣ царственнаго и лучшаго, состоящаго въ молитвахъ святыхъ и воздвигающаго мышцу высокую, въ бою непреодолимую. Итакъ, онъ прибылъ въ

¹⁾ Fol. 203. Ὁ δὲ γε μακάριος οὗτος εἰς τὴν Θεσσαλῶν αὐτῆς παραγεγόμενος ἡσυχίας τε βαλλόμενος ἔρωτι περὶ τινα βουνὸν ἐηλύθει Χортаίτην ἐγχωρίως ὀνομασμένον καὶ τρώγλην εἰσδεδοχῶς περὶ τὴν ὑπὸ πρῆσαν πετρῶδην καὶ ἀνικμον, ἐν αὐτῇ τὸν ἀγῶνα καλὸν ἠγωνίζετο αὐτῆς.

Фессалонику, служившую для него охранною крѣпостью и надежною опорой для дѣйствій противъ враговъ; затѣмъ обратился здѣсь къ розысканію святыхъ и преподобныхъ мужей" ¹⁾). Отыскивали собственно Власія, но царю скоро сказали, что его уже нѣтъ въ живыхъ; тогда Василій пожелалъ видѣть по крайней мѣрѣ кого-нибудь изъ близкихъ къ Власію: призвали Фотія. Начавъ его разспрашивать, Василій узналъ, что передъ нимъ находится именно тотъ ученикъ Власія, на рукахъ котораго онъ былъ носимъ при крещеніи. Фотій съ этого времени дѣлается постояннымъ сотрапезникомъ царя; онъ сопровождалъ его въ походахъ противъ непріятелей: одинъ боролся противъ болгаръ оружіемъ, другой молитвами ²⁾). Позднѣе, когда возстаніе было наконецъ ниспровергнуто и всѣ царскіе соратники собрались въ Фессалонику, прибылъ туда и Фотій, всѣми прославляемый какъ настоящій смиритель безумія варваровъ; самъ царь это засвидѣтельствовалъ и не только устными словами, но и въ писанной грамотѣ. Грамота была скрѣплена золотою печатью и собственноручною красною подписью царскаго имени ³⁾).

¹⁾ Fol. 205. Τὸ γάρ τοι Μουσῶν ἔθνος, κατὰ τῆς Ῥωμαίων ἀφηνίασαν ἀρχῆς καὶ τὴν Θεσσαλῶν πᾶσαν καὶ Δολόπων καταδρᾶμόν, πολλῆς ἀγωνίας τῷ βασιλεῖ τῶν Αὐσόνων ὑπῆρξεν παραίτιος. οὔτε γὰρ ἦν προσόδου· ἐκεῖ ἐπὶ τὸ ἀνάκτορον ἀγεσθαι, οὔτε ἦν ἀκινδυνον οὐδενὶ τῶν ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ὁδὸν τήνδε βαδίζειν, ἀπάντων ἐκτόπως γινομένων δουραλώτων καὶ ἡ ξίφει κοπτομένων ἀνηλεῶς, ἢ πρὸς δουλικὴν τύχην ἀπαγομένων, αἰχμαλωσίας νόμφ τῆς τὸ ὁμόφυλον ἀθετούσης καὶ κατὰ τοῦ συγγενοῦς ἐπανιστάσης τὸ συγγενές. Ἄπερ οὐκ ἔτι ἀνεκτὰ φρονῶν εἰκότως ὁ βασιλεὺς μυρίαν μὲν ἴκρον συναγαγῶν, μυρίαν δὲ χεῖρα στρατιωτικὴν συλλεξάμενος, πόλεμόν τε συγχροτήσας ἰσχυρόν καὶ γενναῖον μετ' ἔλλογίμου συντάξεως καὶ μάχην συστήσας κραταιοτάτην, ἐν τῷ πανοτρατὶ κατ' αὐτὸν εἰσελάσαι ἤττων ὤφθη τῆς βαρβαρικῆς ἀντιτάξεως. τούτου δὲ πολλαγῆ γεγονότος, ἐπεὶ περ εἰς ἀμηχανίαν ἐληλύθει καὶ τοῖς ἐχθροῖς οὐχ οἷός τε ἦν ἀντιτάττεσθαι, συμμαχίαν ἐτέραν ἐζήτηι τὴν ὄντως βασιλικωτάτην τε καὶ ἀμείμονα, τὴν προσευχαῖς ἀγίων συνισταμένην καὶ βραχίονα τὸν ὑψηλὸν πρὸς παράταξιν ἀκατάγωνιστον εὐτρεπίζουσαν. Τὴν Θεσσαλονίκην τοίνυν κατειληφώς, ἦν δὴ καὶ φρούριον εἶχε καὶ κατὰ τῶν ἐχθρῶν ἀσφαλὲς ὄρημητήριον, ἐν ταύτῃ πρὸς ἔρευναν ἱερῶν ἀνδρῶν καὶ ὁσίων ἐτράπετο.

²⁾ Fol. 206 v. Καὶ (ὁ Φώτιος) συναπαίρει τούτῳ κατὰ τῶν πολεμίων ἀπαίροντι. καὶ ὁ μὲν ἔπλοισι ἀμυντηρίοις, ὁ δὲ λόχοις εὐκτηρίοις τοὺς ἐναντίους ἀμύνονται.

³⁾ Ὁψὲ γοῦν καταλυθείσης τῆς ἀνταρσίας καὶ πρὸς τὴν ἑαυτῶν ἐχίστου πορευομένων τῶν συστρατευομένων τῷ βασιλεῖ, πρὸς Θεσσαλονίκην ἐπανήκε κα Φώτιος, εὐφημούμενος μὲν καὶ παρὰ τῶν ἄλλων ἀπάντων ὡς αὐτὸς τῆς τῶν βαρβάρων ἀπονοίας καθαιρέτης γενόμενος, προμαρτυρούμενος δὲ καὶ παρὰ τοῦ βασιλέως οὐ λόγους ἀγραμμάτοις μόνον, ἀλλὰ καὶ γράμμασιν ἐν οἷς φησὶν ὑπεξαιρεῖσθαι τε τοῦτον κατὰ πολιτείαν ἀρίστην καὶ θεοφίλῃν τῶν δικαιοσύνη συζώντων καὶ δαιοτίητι καὶ τοῖς

№ 18.

Слово на первое, второе и третье обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи. Fol. 212. Λόγος εἰς τὴν πρώτην καὶ δευτέραν καὶ τρίτην εὐρεσιν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. Начало: Πάλιν ἡμῖν ὁ θεῖος ἐφέστηκε πρόδρομος. Третье обрѣтеніе (въ Емесѣ) относится здѣсь ко времени царствованія Михаила и Θεодоры и къ патриаршеству Игнатія; оно воспоминается у насъ 25-го мая. Греческій текстъ сказанія въ послѣдней своей части, именно относящейся къ третьему обрѣтевію, напечатанъ въ Acta Sanctorum (24 Jun. tom V, 629: ex sermone Anonymi coaevi de tribus inventionibus). Существуют и другія сказанія объ обрѣтеніяхъ, напечатанныя частію тамъ же, частію у Дюканжа (Traité historique du chef de Saint Jean-Baptiste, Paris, 1665) и Комбефиза (Bibliotheca Conclonatoria t. VII). Славянскій текстъ, изданный П. И. Саввантовымъ для Общества древней письменности, не касается третьяго обрѣтенія.

№ 19.

Fol. 220. Похвала великомученику Θεодору (разумѣется Θεодоръ Тиронъ) Григорія Нисскаго. Напечатана въ числѣ сочиненій Григорія (Migne. Patrol. graeca, t. XLVI, pag. 74).

№ 20.

Слово о честной одеждѣ Пресвятыя Богородицы, какъ она была явлена и какъ это великое богатство положено было на сохраненіе у насъ. Fol. 226. Λόγος διαλαμβάνων περὶ τῆς τιμίας εὐθητός τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου πῶς ἐφανερώθη καὶ ὅπως ὁ μέγας οὗτος πλοῦτος τελησαύριστα παρ' ἡμῖν. Начало: Ἀλλὰ τῆς μὲν θείας ταφῆς τοῦ ζωφόρου σωματός.

Это самое слово въ другихъ рукописяхъ приписывается пресвитеру Константинопольской Великой церкви, Θεодору; оно напечатано Комбефизомъ въ Auctarium novissimum t. II при Historia Monothellitarum; нѣкоторыя указанія и ссылки встрѣчаются въ примѣчаніяхъ Дюканжа къ Аниѣ Комнинѣ: Ducangii Notae in Alexiadem.

ὁπερ τῶν χριστιανῶν αὐτοῦ χαμάτοις καὶ πόνοις καταβεβλήθη παρὰ Χριστοῦ τὸ ἀντίπαλον. ἡ δέλωτος ταῦτα διέξεισιν, ἣν χρυσῇ σφραγίς ἐμπεδοὶ καὶ ἡ διὰ γραμμάτων ἐρωθροβαφῶν τοῦ βασιλείου ὀνόματος ὑποσημανοίς. Ἐν ἣ καὶ βασιλικά δωρήματα περιέχεται.

№ 21.

Fol. 232. Беседа Иоанна Златоуста. Начало: Ἦχομεν ὑμῖν εὐγνώμονες ὀφειλέται.

№ 22.

Житіе преподобной матери нашей Сусанны. Fol. 237. Βίος τῆς οσίας μητρὸς ἡμῶν Σωσάννης. Начало: Κατὰ τοὺς καιροὺς τῆς βασιλείας Μαξίμου.

См. Дѣянія святыхъ (Acta Sanctorum) Болландистовъ 20-го сентября VI, 155, а также Surius; у послѣдняго только латинскій переводъ, у первыхъ и греческій текстъ.

№ 23.

Душеполезная повѣсть о богомужной иконѣ Господа нашего Иисуса Христа, явившейся въ Солунскомъ монастырѣ Латомѣ, сочиненіе монаха Игнатія, игумена Солунскаго монастыря Акатоніева. Fol. 244. Διήγησις ἐκφωφελῆς περὶ τῆς θεανδρικῆς εἰκόνης τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τῆς φανερωθείσης ἐν τῇ κατὰ Θεσσαλονίκην μονῇ τῶν Λατόμων. συγγραφεῖσα παρὰ Ἰγνατίου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς ἐκ Θεσσαλονίχῃ Ἀκατονίου (leg. Ἀκατονίου) μονῆς. Начало: Πολλὰ μὲν ὡς ἀληθῶς καὶ μεγάλα τὰ τοῦ Θεοῦ περὶ ἡμᾶς εὐεργετήματα.

Весьма любопытная и, кажется, вовсе неизвѣстная повѣсть апокрифическаго характера, составленная, какъ сознается авторъ, на основаніи дошедшихъ до него устныхъ преданій. Авторъ ея, монахъ Игнатій, конечно, долженъ быть отличаеми отъ другаго Игнатія, діакона, написавшаго житія патріарховъ Тарасія и Никифора, извѣстнаго своимъ переложеніемъ въ четверостишіе басенъ Бабрія и другими трудами ¹⁾. Монастырь, въ которомъ онъ былъ игуменомъ, вѣроятно—тотъ самый, который у Пахимера (I, 27) названъ Акатоніевымъ (τοῦ Ἀκατονίου) и отмѣченъ у Димицы (II, 355) и Хаджи-Іоанна (стр. 101); чтеніе Ἀκατονίου могло произойти вслѣдствіи самой легкой описки или ошибки. Разказъ о солунской иконѣ отзывается необработанностію, простотою и даже грубостію языка и слога; нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ витіеватыми произведеніями діакона Игнатія.

¹⁾ См. о немъ въ Словарѣ Свиды и въ нашей статьѣ о житіи Георгія Амастридскаго: *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* мартъ 1878, стр. 167.

Сначала говорится о гоненіи на христіанъ Максиміана. Когда онъ готовился къ походу противъ сарматовъ, то на нѣкоторое время остановился съ женою и дѣтьми въ знаменитомъ тогда городѣ Солуни ¹⁾. У него была единородная дочь Теодора. Однажды она сдѣлалась случайно свидѣтельницею христіанскаго богослуженія въ предмѣстьяхъ Солуни. Возбужденное любопытство заставило Теодору лично познакомиться съ христіанами, а это знакомство повело ее къ обращенію въ ихъ вѣру. Подъ предлогомъ болѣзни, она выпросила себѣ у отца позволеніе жить внѣ города; въ сѣврной и болѣе здоровой части городскаго предмѣстья, которое у туземцевъ называется Латоміей или Латоміями (Каменоломнею), можетъ быть, отъ того, что тамъ ломались камни, пужные для постройки домовъ и бань, она устроила себѣ мѣстопребываніе ²⁾. Находившіяся при зданіи термы (бани) были обращены въ мѣсто собранія христіанъ, въ церковь; и когда здѣсь, по желанію Теодоры, одинъ христіанскій художникъ хотѣлъ изобразить Богородицу, то вмѣсто того вдругъ явилось изображеніе Христа, градушаго на облакахъ. Слѣдуетъ подробное описаніе картины. Обращеніе Теодоры сдѣлалось извѣстно ей матери; послѣдняя стала грозить гнѣвомъ отсутствующаго отца (все еще воевавшаго съ сарматами); тогда Теодора увидѣла себя вынужденною скрыть чудесную икону отъ людскихъ взоровъ, и употребила для этого воловью кожу и еще известъ. Гораздо послѣ, въ періодъ иконоборства, при Львѣ Армянинѣ, здѣсь вновь былъ открытъ чудотворный образъ Христа: это была та самая самоявленная икона Теодоры, дочери Максиміана. Въ данное время, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилась купальня Теодоры, стояла церковь во имя пророка Захаріи и при ней монастырь; и церковь, и монастырь были основаны еще въ самыя древнія времена, тотчасъ послѣ торжества христіанства надъ язычествомъ, и послѣ возобновлены ³⁾.

¹⁾ Fol. 245. Ὁς πρὸς τὸν ἐπὶ Σαυρωμάτας πόλεμον παρασκευαζόμενος, τῇ Θεσσαλονικέων τηλικαῦτα περιωνύμφη πόλει σὺν γυναικὶ καὶ τέκνοις ἐπεχωρίαζεν. Ἦν δὲ ἄρα τούτῃ θυγατέρα μονογενής, Θεοδώρα ταύτῃ τὸ ὄνομα.

²⁾ Fol. 246 ν. νόσον σκηφαμένην σωματικὴν αἰτεῖται τὸν πατέρα δομηθῆναι αὐτῇ περὶ τὰ βορειότερά που καὶ ἀνωφερίστερα μέρη τῆς πόλεως, ἃ δὲ Λατόμια ἐγχωρίως ὀνομάζονται διὰ τὸ τοὺς λίθους ἐκεῖθεν οἶμαι λατομείσθαι τοὺς χρησίμους εἰς οἰκοδομὰς οἰκῶν τε καὶ βαλανείων.

³⁾ Fol. 249. ἄρτι τότε τῆς ἐλληνικῆς ἀγλῶς διασκευασθείσης καὶ τοῦτο δὴ τὸ πολυθρόλλητον ἱερὸν τὸ εἰς τύπον δῆθα(ν) βαλανείου οἰκοδομηθὲν, — — εἰς ὄνομα τοῦ προφήτου Ζαχαρίου μετωνομάσθη καὶ εἰς μοναστήριον ἀποκατέστη.

Сообщаемъ извѣстныя доселѣ данныя, которыя могутъ служить къ разъясненію нашего повѣствованія. О пребываніи Галерія Максиміана (292—311) въ Θεσσαλονικίαι послѣ побѣды надъ Готами и Сарматами говорится въ житіи великомученика Димитрія (Migne, Patrol. græc. CXVI, 1084); въ краткомъ сказаніи о мученикѣ Доминиѣ (въ Митологіѣ Василя) упоминается о постройкѣ здѣсь Максиміаномъ дворца, что новыя изслѣдователи приписывали иногда Діоклетиану (см. Δημίτσα, Μακεδονία II, 279). О части города или городскаго предмѣстія, получившей свое названіе отъ каменотесовъ (Λατομῶν), не встрѣчается никакого указанія въ данныхъ для топографіи древней Θεσσαλονικίας, собранныхъ Тафелемъ и мѣстными греческими учеными (Димица, Хаджи-Іоаннъ). Дочь Максиміана, Θεοδώρα, есть, конечно, лицо проблематическое; у древнихъ церковныхъ историковъ о ней не говорится. Тѣмъ не менѣе, кромѣ Θεοδώρα изъ Египта, въ Солуни пользовалась почитаніемъ и другая Θεοδώρα, вѣроятно—тождественная съ нашею ¹). О самомъ монастырѣ Λατομῶν есть одно важное извѣстіе, почему-то не отмѣченное изслѣдователями. Въ началѣ IX столѣтія, до возобновленія иконоборства при Львѣ Армянинѣ (813—820) въ Солуни долгое время жилъ знаменитѣйшій изъ христіанскихъ церковныхъ поэтовъ, Іосифъ Πῆσνοπισεύς (гимнографъ): мѣстомъ его пребыванія здѣсь, какъ сообщаетъ его жизнеописаніе, былъ именно монастырь Великаго Бога и Спасителя, который теперь (авторъ принадлежитъ X вѣку), вслѣдствіе происшедшаго тутъ чуда, называется Λατομῶν ²). Соображая это показаніе съ разказомъ діакона Игнатія, мы должны отмѣтить слѣдующее между ними противорѣчіе: по Игнатію монастырь или, по крайней мѣрѣ, храмъ при немъ до чудеснаго открытія образа Христа назывался по имени пророка Захарія и прозваніе Λατομῶν получилъ вовсе не вслѣдствіе чуда; можетъ быть, было бы правильнѣе, еслибы біографъ Іосифа выразился такъ, что Πῆσνοπισεύς жилъ въ монастырѣ Λατομῶν, который послѣ по причинѣ происшедшаго чуда (открытія иконы) названъ былъ монастыремъ Великаго Бога. Позволимъ себѣ еще одно сближеніе, не придавая ему, однако, какого-либо характера несомнѣнности. У византійскихъ писателей—у Евстаѳія Солунскаго (XII вѣка), затѣмъ у Кантакузена и Іоанна Анагноста—мы встрѣчаемъ одну церковь, которая своимъ

¹) Архим. Антонина, Повѣдка въ Румелию, стр. 105.

²) Migne, Patrologia græca t. CV, 945. Ἐκεῖν φροντιστήριον τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος τοῦ Λατομίου νῦν, ἐκ τοῦ γεγενημένου θαύματος,—ὀνομάζεται.

названіемъ напоминаетъ разказъ о самоявленной иконѣ въ повѣсти Игнатія. Церковь эта называется храмомъ Богородицы Нерукотворенной. (τῆ τῆς Θεοτόκου τῆς ἀχειροποιήτου τριμένει: Cantacuz. II, 571); по словамъ Анагносты она находилась въ срединѣ города (τὸν ἐπὶ μέσης τῆς πόλεως καὶ τῆς ἀχειροποιήτου παρθένου καὶ Θεοτόκου: de ex-cidio Thessalon. pag. 520); изъ письма Евстаѳія видно, что при церкви Нерукотворенной находился монастырь (τῶν μοναχῶν τῆς κατὰ τὴν ἀχειροποιήτου μονῆς: Tafel, Eustath. opuscula, pag. 358, письмо 69). Очень естественно предположеніе, что названіемъ своимъ храмъ былъ обязанъ какой-нибудь иконѣ, которая, подобно Нерукотворенному Спасу или святому Убрусу, не была сдѣлана руками человѣческими, какъ уже и догадывались мѣстные изслѣдователи (Хаджи-Іоаннъ. Ἀπογραφὴ Θεσσαλον. pag. 92). Если въ греческомъ сокращенномъ обозначеніи храма (Нерукотворенной Богородицы) слово нерукотворенной понимать только какъ прозваніе церкви, а не какъ эпитетъ Богоматери, то не будетъ никакого препятствія къ предполагаемому отождествленію монастыря Латомія съ монастыремъ и церковью Нерукотворной Богородицы. Что касается мѣстоположенія храма Нерукотворной Богородицы, то хотя оно и обозначено у Анагносты, но весьма неопредѣленно и не ясно, что и теперь высказываются разныя догадки относительно ближайшаго его приуроченія (см. у Хаджи-Іоанна стр. 93). При предположеніи тождества монастыря Латомовъ или Латомія съ монастыремъ Нерукотворенной Богородицы, данныя о мѣстонахожденіи перваго могли бы очень пригодиться мѣстнымъ изслѣдователямъ для разрѣшенія вопроса. Во всякомъ случаѣ жаль, что они были имъ совсѣмъ неизвѣстны. Кто въ Солуни могъ бы думать, что важные источники для исторіи ихъ города въ византійскій періодъ находятся въ Московской синодальной библиотекѣ? И житіе Θεодоры Солунской, о которомъ мы говорили выше, было-бы драгоцѣнною находкой не только для Тафеля, но и для тѣхъ новыхъ Солунцевъ, которые писали о древностяхъ своего—впрочемъ и для славянъ не менѣя священнаго—города; а они даже и не подозрѣвали его существованія.

В. Васильевскій.